

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

14 октября 2015 г.

№149

Оглавление

Колонка главного редактора	4
О коммунизме и марксизме — 19	5
Метафизическая война	28
Судьба гуманизма в XXI столетии	29
Информационно-психологическая	

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
война	43
Поппер и другие — 7	44
Классическая война	73
Россия в сирийской войне	74
Социальная война	88
О культуре усыновления в США — 2	89
Мироустроительная война	104
Истоки американских представлений об исключительности	105

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Культурная война	119
«Вместо сцены — дыра»?	120

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 19

Обуздать зоологический индивидуализм может только очень накалённый комплекс идей, наделённый могучим донельзя анти-зоологическим потенциалом

Я возвращаюсь к своим статьям о коммунизме и марксизме после долгого перерыва. Этот долгий перерыв заполнен актуальнейшими политическими событиями, смысл которых очень многие вообще отказываются обсуждать. И понятно, почему. Потому что в рамках общепринятых схем и подходов этот смысл обсуждать вообще невозможно. Легче заявить, что смысла нет

вообще. Но если мы не видим смысла в действиях определённых политиков, не видим смысла в текущих процессах, то это не значит, что его нет вообще. Это значит, что история запрятала этот смысл куда-то. А значит, в это «куда-то» надо отправиться, чтобы этот смысл обрести.

Вот я и предлагаю читателю отправиться в определённое «куда-то» за этим актуальным донельзя смыслом! Понимаете? Я не предлагаю вам обсуждать интересные академические вопросы, дожидаясь конца света, он же — новая мировая война. Я предлагаю распознать врага человечества, который сооружает конец света. Сразиться с этим врагом. И победить.

Забегая вперёд, я назову данным врагом некий «зоологический индивидуализм». И предложу читателю интеллектуальную траекторию, двигаясь по которой можно добраться и до этого врага, которого я пока лишь называю и не более того, и до средств, с помощью которых возможно сражение с таким врагом.

Разговор о Лафарге, который я продолжаю, — лишь один из отрезков данной интеллектуальной траектории.

Предлагаю читателю воспринимать этот разговор именно так. И обещаю уже в этом номере газеты показать, что моё предложение как минимум не бессмысленно.

Итак, Лафарг пишет: *«Бродячее племя сходится вокруг огня, чтобы есть и спать; когда эти племена перестают быть кочевниками и начинают строить жилища, то жилища эти являются общим достоянием и общим помещением для всего рода. Очаг, расположенный в середине жилища, становится центром рода, имеющего только одно жилище и один очаг в продолжение всей эпохи коммунистического быта».*

Эпоха коммунистического быта... Она же — эпоха оформления человечности в недрах первобытной звериности. Если мы считаем, что эта звериность вновь наступает, то, согласитесь, весь-

ма важно присмотреться к тому, как она преодолевалась «предчеловечностью». И если она преодолевалась на основе некоего коммунизма, именуемого первобытным, то, может быть, где-то там и нужно находить ресурсы обновления коммунистичности как таковой. Ведь где-то их нужно находить, и никто точно не понимает, где именно. Так почему бы не попробовать найти их именно там, не разрывая с марксизмом, а углубляя наше понимание невероятно сложной и много чем обусловленной марксистской философии и методологии.

Первобытный коммунизм... Он же — по Лафаргу — «коммунистический быт», задаваемый единым жилищем, единым очагом и так далее.

Отнюдь не только Лафарг, про которого марксистско-ленинские начётчики могут сказать: «Подумаешь, какой-то Лафарг» обсуждал его, вглядываясь в «это». И прекрасно понимая, что именно в «этом» сокрыты тайны зарождения человечности как таковой, фактически

проточеловеческого, но ужасно важного с гуманистической точки зрения «коммунистического быта», задаваемого единым жилищем, единым очагом и так далее.

В своей работе «Государство и революция» Ленин обсуждает интересующий нас вопрос, предлагая начать (и именно начать) с самого распространённого сочинения Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ленин обсуждает энгельсовский подход к выявлению сущности государства. Энгельс спорит с Гегелем, считавшим, что государство представляет собой *«действительность нравственной силы»*, *«образ и действительность разума»*.

Энгельс противопоставляет Гегелю свой подход, согласно которому *«государство есть продукт общества на известной стадии развития»*, и даёт довольно ёмкое определение того, что же это именно за продукт. Энгельс утверждает, что на определённом этапе развития «об-

щество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой», как утверждает Энгельс, «сила, стоящая, по-видимому, над обществом». Тут очень важным является слово «по-видимому». Даже Энгельс, склонный к упрощениям, не берётся утверждать, что государство — это сила, стоящая над обществом. Он говорит, что «по-видимому» это так. И продолжает, утверждая, что нужна была некая «сила, которая умеряла бы столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, всё более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Приведя это определение Энгельса, Ленин

далее противопоставляет большевистскую точку зрения — точке зрения меньшевиков и эсеров, утверждавших, что государство — это орган примирения классов. Энгельс, как мы убедились, не так уж и далёк от этой точки зрения, осуждаемой Лениным. Он говорит о том, что государство препятствует взаимному истреблению (буквально — пожиранию) классов. А что значит препятствовать взаимному истреблению? Это значит, в каком-то смысле, — примирять. А чтобы примирять две общественные группы, нужно либо принадлежать к третьей группе, либо, в каком-то смысле, не принадлежать ни к одной из групп, стоять над ними. Потому что если ты стоишь рядом с ними или находишься под ними, то ты не можешь их примирить. Вот Энгельс и утверждает, что государство, по-видимому, стоит над обществом. Да, оно порождено обществом, утверждает Энгельс, но, по-видимому, стоит над ним. А если оно стоит над ним, то оно и является посредником-примирителем. Никто не может

выполнять подобную роль, не занимая позицию «над».

Ленин не может не процитировать Энгельса. Но он цитирует, оговаривая, что меньшевики и эсеры извращают Маркса, «подправляют» его, тогда как Маркс на самом деле считал государство органом классового господства, органом угнетения одного класса другим. Ленин пишет, *«что государство — есть орган господства определённого класса, который **не может** (выделено В. И. Лениным — С.К.) быть примирён со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти социалистической фразеологией».*

Далее Ленин обсуждает более тонкие извра-

щения Маркса, осуществлённые Каутским. Причём он всё время возвращается к тому энгельсовскому определению, согласно которому государство есть сила, стоящая над обществом и всё более и более отчуждающая себя от общества.

Не уклоняясь от признания того, что Энгельс утверждал именно это, Ленин не желает признать, что если государство встало над обществом вообще, то есть над всеми классами общества, и если оно есть продукт отчуждения какого-то начала от всего общества, то есть, в том числе, и от господствующего класса (рабовладельцев, феодалов, капиталистов), то низвести государство просто к инструменту, с помощью которого господствующий класс-эксплуататор управляет эксплуатируемыми, невозможно. Тут надо либо начать полемизировать с Энгельсом, а Ленин не может себе этого позволить, либо не заметить данного утверждения Энгельса (но тогда на него сразу сошлются те, с кем Ленин полемизирует), либо всё время это утверждение Эн-

гельса цитировать, но обходить все те неудобные следствия, которые неизбежно вытекают из данного утверждения Энгельса.

Ленин предпочитает обсуждать механизмы отчуждения государства от общества. И утверждает, что для Энгельса главный механизм — формирование особых отрядов вооружённых людей, имеющих в своём распоряжении тюрьмы и прочее.

Обсуждая, зачем понадобились особые отряды вооружённых людей, Ленин пишет:

«На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооружённых людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрас-

но усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооружённая организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединённых в клановые общества, но такая организация была бы возможна».

Невозможность того, что воспроизвело бы формы, присущие примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединённых в клановые общества, вытекает, по Ленину, из раскола общества на непримиримо враждебные классы. И потому любая самодействующая вооружённая организация населения приводит к борьбе классов, обладающих своими инструментами для осуществления этой борьбы. То есть — во-

оружёнными отрядами. Государство, утверждает Ленин, этого допустить не может. *«Складывается государство, создаётся особая сила, особые отряды вооружённых людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам обнажённую классовую борьбу, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие ему (выделено В. И. Лениным — С.К.) особые отряды вооружённых людей, как угнетённый класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым».*

Предлагая читателю оценить всё сразу — и определение Энгельса, и ленинскую уклончивость в том, что касается трактовки этого определения, — я вовсе не отклоняюсь от обсуждаемого мною «лафарговского вопроса». Я просто соединяю обсуждение этого вопроса со всем тем насущным, по поводу чего шла полемика в момент превращения марксизма из философии

протеста в философию государственного строительства. А осуществлял это превращение, конечно, Ленин.

Осуществляя же его, он вновь и вновь возвращался к предыстории человечества, к этой самой примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединённых в клановые общества. То есть ко всему тому, что интересовало отнюдь не только Энгельса, но и Лафарга. Причём Энгельса и Лафарга «это первобытное и примитивное начало» интересовало по-разному.

В ноябре 1913 года, за четыре года до написания «Государство и революция», Ленин — уже не в первый раз — дискутирует с Горьким по вопросу о богостроительстве. И в этой дискуссии вновь возвращается к тому первобытному началу, которое Лафарг пытался исследовать более детально, нежели другие современные ему коммунистические мыслители. Ленин возвращается в данном письме к тем беседам с Горьким, кото-

рые, как он утверждает, имели место «во время нашего последнего свидания на Капри».

Ленин и Горький на открытии II-го Конгресса
Коминтерна, 1920 г.

Ленин пишет не без иронии, что Горький порвал (или как бы порвал) с так называемыми

«впередовцами». Согласитесь, сказать собеседнику «вы порвали или как бы порвали» невозможно, если ты не сдерживаешь очень серьезный негатив по отношению к нужному тебе и уважаемому тобой собеседнику.

Иронизируя по поводу имитируемого Горьким, как он считает, отстранения от Богданова и Луначарского, Ленин далее обсуждает определение бога, даваемое Горьким и теми, политические расхождения с которыми он демонстрирует. Ленин приводит это определение: *«Бог есть комплекс тех выработанных племенем, нацией, человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм».*

Обуздание зоологического индивидуализма — штука, согласитесь, серьезная. Хочешь не хочешь, но ведь его действительно надо как-то обуздывать. Ленин пишет Горькому: *«...неверно, что бог есть комплекс идей, бу-*

дящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский идеализм, затушёвывающий материальное происхождение идей».

Вплоть до развала СССР легко было повторять подобное вслед за Лениным и иронизировать по поводу Богданова и других. Но в ходе развала СССР мы увидели, что такое зоологический индивидуализм, который невозможно обуздать. Это крах общества и крах государства. И я не зря назвал общество, в котором зоологический индивидуализм не обуздан, не социумом, а «зооциумом». Мы наблюдаем сейчас борьбу социального и зоологического. Причём борьбу, невероятную по своему накалу. Мы наблюдаем также, как зоологическое постепенно завоёвывает всё новые и новые территории, устанавливая на территории бывшего социального свой зоопорядок. И не из желания восславить идею бога или эту идею развенчать, а по причине понимания того, чем именно грозит дальнейшее наступление армий зооциума на территорию социума, мы гово-

рим: «Кто бы ни сдерживал зооциум и его тёмное войско, наступающее на территорию человечности, этот кто-то может и должен быть нашим союзником в отстаивании гуманизма, то есть проведения пограничной черты между социальным и зоологическим и недопущения вторжения зоологического на территорию социальности».

Ленин пишет Горькому в 1913 году: *«В действительности, «зоологический индивидуализм» обузда не идея бога, обуздао его и первобытное стадо и первобытная коммуна».*

1913 год... 1917 год... Это всё — предреволюционная эпоха, внутри которой Ленин и не может относиться к идее бога иначе, нежели так, как он это формулирует в переписке с Горьким. И к государству он не может относиться иначе, нежели так, как он это формулирует в книге «Государство и революция». При этом отношение к богу и государству, конечно же, связаны воедино. Отношение Ленина к богу в предреволюционный

период определяется не только его мировоззрением, но и политической прагматикой. Ленин почеловечески, будучи незаурядным представителем тогдашнего революционного просветительства, восславляющего атеистический разум, отторгает идею бога. Но он отторгает эту идею не только как мыслящая личность, но и как политик. Потому что в предреволюционный период любые компромиссы с религией, основанные на признании бога хотя бы этим самым комплексом нужных, как считает Горький, идей, означали для Ленина не только поворот к мировоззренческому мракобесию, но и поворот к совершенно недопустимому и неоднократно ему навязывавшемуся компромиссу с властью. А Ленин понимает, что сокрушить власть можно, только категорическим образом оторвав низы от любой идеи бога, легитимирующей эту и именно эту — существующую — власть.

В предреволюционный период, споря с Горьким или работая над книгой «Государство и рево-

люция», Ленин действует, сообразуясь и с политической целесообразностью, и со своим мировоззрением.

А потом наступает послереволюционный период, наполненный сначала упованиями на мировую революцию, а затем — осознанием суровой необходимости строить мощное государство российское. Да, конечно же, совсем другое, чем при царизме, но ведь — государство! А если государство вообще является тем, чем оно представлялось Энгельсу и каким оно представлено в «Государстве и революции», то его построение — это далеко не безусловное в мировоззренческом плане занятие. Чтобы после победы революции его оправдать, нужно не цитировать Энгельса и не обрушиваться на эсеров, меньшевиков и Каутского, а возвращаться к иным представлениям о государстве. Эти представления Ленин черпает у Гегеля.

А что значит — вернуться к Гегелю? Это значит сказать, что построенное Лениным государ-

ство уже не обладает той природой, которой обладало государство ранее, а напротив, обладает природой, близкой к той, которой наделял государство Гегель. Той природой, которую Энгельс, как мы убедились, яростно отвергал.

Заигрывая с Гегелем, Ленин, по сути, осуществлял в новой ситуации пересмотр своего спора с Горьким. Но только по сути. Богданова Ленин так и не принял, хотя и не раздавил. Он продолжал настаивать на атеистичности идеологии, понимая при этом, что обуздать зоологический индивидуализм в рамках атеистичности весьма и весьма непросто. А если не обуздать его, то конец всему. Помните у Маяковского в «Разговоре с товарищем Лениным»:

*Мы их всех, конечно, скрутим,
но всех скрутить ужасно трудно.*

Оказалось, что без решительного обуздания зоологического индивидуализма скрутить их всех не ужасно трудно, а невозможно. И что обуздать зоологический индивидуализм может толь-

ко очень накалённый комплекс идей, наделённый могучим донельзя антизоологическим потенциалом.

Оказалось также, что с помощью сталинских жесточайших форм сугубо светского управления, направленного на подавление зоологического индивидуализма, этот зоологический индивидуализм можно только временно сдержать и загнать на глубину. Да и то только в ситуации войны, беды, мобилизованности на борьбу с очевидным страшным врагом. И, наконец, оказалось, что смягчённые сталинские формы сугубо светского управления, предлагавшиеся Хрущёвым и Брежневым, просто никак не могут сдержать этот самый зоологический индивидуализм — главный враг гуманизма, а значит, и человечества.

Смягчённые сталинские формы сугубо светского управления позволяют зоологическому индивидуализму перегруппировать силы, структурно реорганизоваться и начать страшное наступ-

ление, которое и есть горбачёвская перестройка, ельцинская постперестройка et cetera.

Являясь свидетелями этого чудовищного наступления и понимая, что оно продолжается, как мы можем не начать искать везде, где только можно, средства сдерживания и отбрасывания этого особого индивидуализма на территорию, где ему надлежит находиться?

Мы ведь не в 1913 году живём, не в эпоху сталинских пятилеток и даже не в относительно благополучные и умеренно зооиндивидуалистические 70-е годы XX века. Мы живём совсем в другую эпоху. И понимаем, что нужны совсем другие средства ведения войны с зоологическим индивидуализмом для того, чтобы победить.

И именно ради этой победы, альтернативой которой может быть только смерть человечества, мы вчитываемся в строки Лафарга, Маркса, Энгельса, Ленина, Горького, Луначарского, Богданова и других.

Коммунизм является единственной идеоло-

гией, позволяющей в XXI веке сдерживать зоологический индивидуализм, возвращаемый в недрах западного постмодернизма и не случайным образом сопрягаемый с псевдорелигиозным контрмодернизмом, являющимся на самом деле лишь прологом к зооархаике.

Но классический коммунизм сдерживать зоологический индивидуализм не смог. А значит, нужно искать и находить другой коммунизм, не разрывая с коммунистической традицией, а предельно её расширяя и углубляя, что мы и делаем.

До встречи в СССР.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Политическая элита не хочет признавать того, что среда изменилась, причём фундаментально. Подумаешь, говорит она, мы отреагировали на них, они отреагируют на нас. Но среда — всё та же

Мне сейчас придётся обсуждать с читателем очень непростую тему, весьма, на первый взгляд, далёкую от всей той скверны, которая стучится в наши двери. Но что это за скверна? Если мы этого не поймём, то можно просто обсуждать каждый отдельный стук. Она, мол, скверна, сегодня

так поступала, а завтра — этак. Но мы же не хотим просто описывать каждый отдельный стук: сегодня — Донбасс, завтра — ИГИЛ, потом — ИГИЛ и Донбасс вместе, а в итоге... Что в итоге?

Специалисты по актуальной политической проблематике фактически не могут ничего сказать о случившемся. Россия постоянно поднимает ставки. В принципе, это не могло бы не радовать, если бы такое поднятие внешнеполитических ставок сочеталось с выдвиганием нового проекта организации нашей жизни. Но новый проект не выдвигается. А бесконечно повышать внешнеполитические ставки, не выдвигая нового проекта, невозможно. Потому что поднятие ставок, начиная с какого-то момента, не просто порождает принципиально новые ответные реакции, оно порождает новую среду. А в новой среде необходимо действовать по-новому. Тут, если прибегать к цитатам из нелюбимых мной Стругацких, опыт и впрямь «перестаёт быть условием адаптации».

Но политическая элита не хочет признавать того, что среда изменилась, причём фундаментально. Подумаешь, говорит она, мы отреагировали на них, они отреагируют на нас. Но среда — всё та же. Кое-кто из читателей помнит, что, выступая на Красном марше два года назад, я сказал: «Политическая элита уверена, что холодной войны не будет. Дай бог, чтобы она оказалась права. Но я уверен, что холодная война неизбежна». Поверь, читатель, я имел основания для подобного высказывания.

Ведь что значит «Мы отреагировали на них, а они — на нас, но среда осталась прежней, то есть не возникло новой среды под названием холодная война»? В переводе с языка политической риторики на язык поясняющих образов это означает следующее: «Ваня наехал на меня. Я отреагировал на наезд. Ваня — на мою реакцию. Но мы по-прежнему живём в городе Москве и ходим на работу. А также отдыхаем в соответствующих питейных заведениях». Всё так. Если

только одна из этих реакций не привела к печальному исходу. А печальный исход не породил тюремного заключения. Если же произошло именно это, то надо заниматься реагированием на импульсы, подаваемые новой средой. Ты же не какой-нибудь уличный хулиган, готовящийся сесть в тюрьму и изучающий правила тюремного поведения. Ты тут на новенького. Ну и скажи себе, что прежний опыт перестал быть условием адаптации, и начинай выстраивать новую систему реакций на новые стимулы. Это — в случае если можно спастись за счёт адаптационно-ситуационного поведения, в основе которого лежит правило «воздействие — реакция — новое воздействие — новая реакция и так далее».

Но далеко не всегда ситуационно-адаптивное поведение, пусть даже самое умелое и решительное, позволяет получить искомый результат. Все мы, читатель, большую часть времени адаптируемся и ситуационно реагируем. Иногда — резко, то бишь огрызаемся. Но ведь не всегда мы

только адаптируемся и реагируем. Я вот, например, создавая театр или аналитический центр, а также строя общественно-политическое движение, не только адаптировался и реагировал, ориентируясь на ситуацию. То есть я, как каждый живой человек, в существенной степени занимался этим. Но я занимался не только этим. Я ещё и осуществлял проекты. То есть я мыслил и действовал одновременно в трёх форматах.

Первый — ситуационно-адаптивный. Он почти всегда доминирует, но не всегда его доминирование является абсолютным.

Второй — рефлексивный.

И третий — проективный.

Проективный — это когда ты всё подчиняешь проектному заданию. Но ты не можешь проективно мыслить и действовать, не включая рефлексивный регистр. Тебе нужно увидеть картину — всю целиком. А это позволяет сделать только рефлексивное мышление. Сначала — оно, а потом — проективность. Конечно, когда всё огра-

ничивается рефлексивностью, то ничего не сделаешь. Не зря Гамлет сказал: «*Так всех нас в трусов превращает мысль*». Но нельзя вслепую делать проект. Жить вслепую можно, а проект делать нельзя. И это очевидно.

Хочу подчеркнуть, что ситуационно-адаптивное мышление и поведение всегда должно доминировать, а у осторожных политиков — в особенности. Всегда надо оставлять себе свободными руки для любых действий. А проективность и рефлексивность в каком-то смысле сковывают. Кроме того, нет высших и низших форм мышления и поведения. Человек может быть очень эффективным в ситуационно-адаптивном смысле. У него этот регистр мысли и поведения может быть мощным, правильным. И напротив, бывает, что мы имеем дело со слабой, неэффективной рефлексивностью и идиотским проективным зудом. А также с плохими ситуационно-адаптивными рефлексами.

Так что в моих словах нет ни проклятия

ситуационно-адаптивному началу, ни восхваления началам рефлексивному и проективному. Я просто описываю ситуацию. И констатирую, что среда фундаментально изменилась, а адаптируются и ситуационно реагируют так, как будто бы она не изменилась. Как будто бы из этой среды «всего лишь» поступают новые импульсы, требующие более серьёзной мобилизации своего ситуационно-адаптивного потенциала. Увы, это не так.

Приведу простейший пример.

И Российская империя, и Советский Союз очень хотели, причём всегда, получить позиции в Средиземном море и на Ближнем Востоке в целом. После Второй мировой войны нам обещали базу в Триполи и какие-то возможности в проливах. Нас обманули. Мы обиделись. Мы предполагали, что Израиль может стать коммунистической страной. Но Израиль нас обманул. Тогда мы начали разыгрывать антиссионистскую карту и схватились — уже при Хрущёве — за Гамаль Аб-

дель Насера и руководимый им Египет. Насер играл со всеми — и с нами, и с фашистами. Но с нами он как-то играл. И в Сирии (а также вообще окрест Израиля) мы за счёт антиссионистских посылов сумели что-то получить, но не много.

Вскоре Насера сменил Садат, и Египет полностью лёг под США. В Сирии мы имели, образно говоря, небольшой пакет политических акций. Потому что и Сирия, и все другие, включая друга господина Примакова Саддама Хусейна, играли не только с нами, но и с нашими противниками. А нам за то, чтобы играли ещё и с нами, приходилось сдавать компартии. И мы их сдавали почём зря. Потом распался Советский Союз. Мы остались с очень небольшим пакетом акций в Сирии. И всё.

С нами сирийское руководство при этом не играло по принципу передачи нам контрольного пакета политических акций. Основной пакет политических акций был в руках Запада. Отец Башара Асада с Западом играл почём зря, сына

сделал западным человеком. Так что казалось, что и нам придётся удовлетворяться небольшими пакетами акций в сомнительных геополитических ближневосточных мероприятиях. А что теперь получается? Если мы спасём Асада, а американцы будут по-прежнему его проклинать, то мы получаем в асадовской Сирии даже не контрольный пакет, а просто 100% акций. Вместе с Ираном, разумеется, но нас это вполне устраивает.

В Иране у нас тоже хороший пакет политических акций. Иран берёт под контроль шиитский Ирак.

ИГИЛ из Сирии мы вытесним в Ирак. И рано или поздно суннитское умеренное руководство Ирака тоже передаст нам пакет акций. А кому ещё его передавать при таком-то раскладе?

Какой-то пакет акций нам передаст потом и Афганистан. С Китаем мы в доле. А это определяет поведение Пакистана. И с Индией мы в хороших отношениях. И с «Хезболлой». А это значит, что Израиль, видя что происходит, тоже как-

то начнёт производить переоценку нашей ценности. Вслед за ним это сделает и Египет, то есть, если точнее, — он уже это делает. Ну и что получается? Что мы можем укорениться на Ближнем и Среднем Востоке так, как не укоренялись ни Российская империя, ни СССР? А американцы на это будут просто смотреть? Это же для них ключевой регион, это даже не Украина!

Если американцы на это просто будут смотреть, то надо говорить о полном вырождении американской элиты. О мирном умирании США. Можно ли об этом говорить? Не могу дать окончательный ответ, потому что не знаю молодую американскую элиту. Но если она хоть капельку похожа на ту американскую элиту, которую я знаю, то ни о каком мирном умирании США речи быть не может. Ядерной войны с нами американцы тоже не хотят. Значит, они должны были бы ответить по полной программе, мобилизовав своих в Москве. И насытив их всеми желанными для холуёв США возможностями. Но аме-

риканцы этого не делают. Они что-то как бы в полусне сооружают. Но никаких резких, мощных телодвижений на единственном приемлемом для них направлении они не осуществляют. Они нашей дестабилизацией по-настоящему не занимаются. Я понимаю, что мы о чём-то как-то с ними договорились. Но всерьёз, по-крупному нам с ними договариваться не о чем. Я в этом убеждён.

А значит, американцы (если только они не начали мирно умирать) начинают сооружать что-то очень масштабное. Ну, например, халифат. Причём иступлённо радикальный, обобщённо игиловский. Для того, чтобы это полноценно соорудить, то есть осуществлять такой суперпроект, нужно обладать и проективностью, и рефлексивностью, и мощным ситуационно-адаптивным аппаратом. Я не убеждён, что он есть. Симптомы того, что американцы это сооружают, — налицо, но только симптомы. А тут нужен другой масштаб осуществляемой, а не декларируемой заявки на переустройство мира. Если эта заявка

есть — всё понятно. Нас хотят столкнуть с халифатом. Причём весьма специфическим. Нам всё равно придётся с ним сталкиваться. Потому что он на нашу территорию претендует. Халифат устроен именно так — он не может ограничиться территориями, где его примут на ура. Он должен наступать на другие территории.

Это не Афганистан. Это — круче. И не надо говорить, что этого можно было избежать. Этого избежать невозможно. Но это нельзя осуществлять в нынешнем полурасслабленном состоянии потребительского кайфа. Надо срочно переводить страну на рельсы другого существования. То есть осуществлять проект. Это в случае, если американцы действительно сооружают халифат. Повторяю, кое-что об этом свидетельствует. Но именно кое-что.

А если нет? Тогда надо предположить, что на поверхность всплывают какие-то очень мощные подспудные силы. Мои зарубежные друзья говорят, что суммарный потенциал ИГИЛ — вы-

ше 300 тысяч человек. И что он будет нарастать. И что раньше или позже все под ИГИЛ лягут. Помните, Буш после удара в 2001 году по башням-близнецам целых два месяца говорил, что он — крестоносец? Потом ему так кто-то, говоря фигурально, а может быть и не только, врезал по башке, что он заткнулся. А Кондолиза Райс заговорила про халифат — мол, почему бы его не совместить с демократией.

Что это значит? Что американцы испугались совокупной силы халифатизма. А мы? Мы не боимся этой силы, которая рано или поздно будет подпитываться американцами гораздо более форсированно, чем сейчас?

Хорошо, мы храбрые, и я рад, что мы храбрые. Но чем это подкрепляется? Ведь такую храбрость надо действительно подкреплять проективностью. А значит, и рефлексивностью. Это если речь идёт об американской игре. А если речь идёт о чём-то другом, более сложном?

Шекспировский Макбет, увидев призрак уби-

того им Банко, спрашивает: «Кто это сделал, лорды?» То есть он не верит в призрак. Он считает, что лорды кого-то одели в простыню и ему показывают. Кто-то, одетый в простыню, — это и есть США, которые сооружают халифат. А если это не кто-то в простыне, а призрак Банко? Если мир приведён в движение развалом СССР и начались тектонические подвижки? Что, если это так? Что, если действительно главным являются раскованные звериные инстинкты, обрушенные константы и скрепы, стихийное и сознательное складывание постмодерна и контрмодерна на месте модерна? А главное — отсутствие гуманистической перспективы?

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Информационно- психологическая война

Поппер и другие — 7

Если «могильщик коммунизма» способен вести такую долгую игру, то правомочно предположение, что намерение уничтожить коммунизм зародилось у него не в момент, когда близилась к окончанию Вторая мировая война. И даже не в момент, когда в России свершилась Великая Октябрьская революция

Возвращаясь после долгого перерыва к теме, поднятой в цикле статей «Поппер и другие», предлагаю читателю сначала оглянуться на пройденный нами ранее путь, восстановить в памяти узловые пункты нашего маршрута — и уже затем

двинуться дальше.

9 апреля 2015 года, ровно за месяц до 70-летия Великой Победы, Верховная рада Украины осуществила наглый беспрецедентный шаг — проголосовала за запрет «коммунистического и нацистского тоталитарных режимов» на Украине. То есть заявила о равенстве коммунизма и фашизма как двух «тоталитарных пакостей». Так стал реальностью проект, запущенный на Западе ещё в середине сороковых годов XX века. Тогда, семь десятилетий назад, Карл Поппер, Фридрих фон Хайек и другие ненавидевшие красную идею западные интеллектуалы получили задание создать концепцию, согласно которой коммунизм, одержавший победу над фашизмом, на самом деле является не его антиподом, а его двойником. Внедрение в общественное сознание идеи о том, что коммунизм и фашизм являются двойниками, — одна из крупнейших операций в истории информационно-психологической войны Запада

против СССР (России).

Но если проект начинает плодоносить спустя семь десятилетий после того, как он был запущен, это значит, что существует субъект, который все эти десятилетия неуклонно двигался к поставленной цели.

Что мы знаем об этом субъекте, умеющем играть «вдолгую»?

Мы знаем, что Вторая мировая война была ещё далека от завершения, когда данный субъект принял решение любой ценой остановить распространение в мире коммунистической идеи. Коммунизм как антипод фашизма приобрёл в глазах значительной части населения мира огромную притягательность. Обсуждаемый нами субъект усмотрел в этом смертельную опасность. И потому поставил перед Поппером и Ко задачу дискредитировать коммунизм, объявив его такой же (если не худшей) чумой, как фашизм.

Первый вклад в создание концепции, уравнивающей коммунизм и фашизм, внёс Фридрих

фон Хайек, опубликовавший в 1944 году в Великобритании работу «Дорога к рабству». Затем своё слово сказал Карл Поппер, издавший в 1945 году — опять же, в Великобритании — книгу «Открытое общество и его враги». Хайек в тот момент являлся одним из ключевых сотрудников Лондонской школы экономики и политических наук (*The London School of Economics, LSE*). А Поппер занял видное место в той же LSE по протекции Хайека вскоре после выхода своей книги.

В 1947 году Хайек при активном участии Поппера организовал общество «Мон-Пелерин» — международную организацию, которая развернула пропаганду экономической политики свободного рынка (конёк Хайека) и политических ценностей «открытого общества» (конёк Поппера). Главным злом, которому данная организация объявила беспощадную войну, оказался коллективизм. По Хайеку и Попперу, именно коллективизм является важнейшим признаком тоталитаризма.

Хайеком и Поппером дело не ограничилось. В информационно-психологической кампании по дискредитации коммунизма через приравнивание его к фашизму поучаствовали Ханна Арендт, Раймон Арон, Збигнев Бжезинский и многие-многие другие. Субъект, возжелавший выступить в роли могильщика коммунизма, неусыпно заботился о том, чтобы тема «одинаковой ужасности коммунизма и фашизма» годами находилась в разогретом состоянии.

Но если этот «могильщик коммунизма» способен вести такую долгую игру, то правомочно предположение, что намерение уничтожить коммунизм зародилось у него не в момент, когда близилась к окончанию Вторая мировая война. И даже не в момент, когда в России свершилась Великая Октябрьская революция. А гораздо раньше — когда прозвучали слова о том, что по Европе бродит призрак коммунизма.

По большому счёту, именно эти слова и оформили интересующий нас субъект. Точнее, эти

слова подтолкнули к оформлению некий элитный сгусток, воспринявший появление коммунизма как вызов. Субъект и проект всегда находятся в сложной взаимосвязи. Трудно сказать, где тут курица, а где — яйцо. Зрелый (состоявшийся) субъект, безусловно, может выдвинуть и реализовать проект. Но ведь бывает и иначе. Нечто, ещё не вполне оформленное, столкнувшись с крупной проблемой или угрозой, начинает искать выход и создаёт «проект спасения». Артикулировав, в чём состоит проблема (угроза), создав проект решения проблемы (устранения угрозы) и приступив к реализации проекта, «нечто» в процессе всех этих действий и оформляется в субъект.

Безусловно, в Марксовых заявлениях о призраке коммунизма часть господствующего класса почуяла прямую угрозу своему существованию. И постановила: «Коммунизму не бывать!» А тот элитный сгусток, который воспринял задачу уничтожения коммунизма как свою миссию, оформ-

мился в субъект.

Предположив, что «могильщик коммунизма» начал свою долгую игру (точнее, войну) не в сороковые годы прошлого века, а гораздо раньше, мы решили приглядеться повнимательнее к структуре, создавшей Лондонскую школу экономики и политических наук (LSE) — ту самую, с которой так тесно связаны были Поппер и Хайек.

Выяснив, что создателем LSE является Фабианское общество (Fabian Society), мы, прежде всего, обратили внимание на место и время создания — Лондон (гнездо марксизма), 1884 год (Маркс умер год назад, но его идеи пользуются огромной популярностью и приобретают всё новых и новых сторонников).

Далее мы убедились в том, что хотя фабианцы выступали, как и Маркс, за социальные преобразования, за улучшение жизни рабочего класса, на самом деле фабианский социализм был остро полемической реакцией на марксизм.

Ключевая идея Фабианского общества — эволюционное, а не революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое. Фабианцы категорически отрицали необходимость революционных потрясений (спустя годы сходный тезис озвучил в постсоветской России Геннадий Зюганов, заговоривший о «лимитах на революцию»).

Вряд ли случайно и то, что в качестве своей эмблемы учредители Фабианского общества выбрали волка в овечьей шкуре. Изображая преданность делу социализма, фабианцы фактически защищали интересы господствующего класса. Они помогали «выпустить пар недовольства социальных низов» путём косметических улучшений условий быта и труда этих низов, препятствуя перерастанию энергии недовольства в революционные потрясения. Какая «классовая борьба»? Какая «диктатура пролетариата»? Какая «партия рабочих»? Пролетариат как господствующий класс? Да ни боже мой!

Обвинив фабианский социализм в служении интересам господствующего класса под маской защиты интересов угнетённого класса, мы объективности ради задались вопросом: а не возводим ли мы на фабианцев напраслину? Почему, например, надо считать «волком в овечьей шкуре» знаменитого английского драматурга Бернарда Шоу — одного из основателей Фабианского общества? В 1931 году, когда Советский Союз нуждался в дружественной поддержке научной и творческой интеллигенции Запада, Шоу побывал в СССР, а затем решительно и однозначно дал высокую оценку увиденному, не побоявшись прослыть другом первого в мире социалистического государства. Бóльшая часть западного мира в то время кипела ненавистью к нашей стране, так что это был смелый поступок.

Тут всё бы хорошо, если бы не одно «но». Фабианец Шоу действительно был дружен к СССР. Но дружелюбие к СССР причудливо сочеталась в нём с дружелюбием к леди Ас-

тор — яркой антисоветнице, видному члену Консервативной партии, первой в истории женщине, ставшей депутатом нижней палаты британского парламента, супруге лорда Уолдорфа Астора, представителя «английской» ветви династии Асторов (в конце XIX — начале XX веков Асторы наряду с Рокфеллерами и Вандербилтами входили в число самых могущественных династий США).

Лорд и Леди Астор

В качестве депутата леди Астор специализировалась на нескольких темах: боролась за сокращение потребления алкоголя, за повышение качества образования, организацию родильных домов и яслей. То есть действовала вполне в духе фабианского социализма. И она, и её супруг были яркими представителями определённой части господствующего класса — готовыми заботиться о том, чтобы пролетарии не спивались, получали определённое образование, имели возможность рожать детей в человеческих условиях и т. д., но абсолютно не готовыми отменить сам принцип господства своего класса. Отсюда их враждебность к Советской России, посягнувшей на этот принцип.

Имена леди и лорда Асторов прочно ассоциируются с так называемой кливденской кликой — влиятельной британской элитной группой, регулярно собиравшейся в тридцатые годы прошлого века в поместье Асторов Кливдене и выступавшей за союз Великобритании с гитлеровской Гер-

манией против СССР.

Прямого отношения к кливденской клике Шоу никогда не имел. В годы Второй мировой войны он однозначно поддержал Советский Союз. Но его дружеские отношения с леди Астор сохранялись даже в период, когда она гостеприимно открывала двери своего загородного дворца сторонникам союза с Гитлером. Такая устойчивая дружба невозможна при глубоком расхождении в ценностях. А потому мы попытались точнее понять, на чём базировалась эту дружба.

Прежде всего, мы установили, что помимо «классической» версии, согласно которой Шоу захотел отметить своё 75-летие в Москве и пригласил с собой старых знакомых — супругов Асторов, существует и иная версия. Изложивший эту версию Хескет Пирсон утверждает, что в период работы над биографией Бернарда Шоу он тесно взаимодействовал со знаменитым драматургом. То есть имел возможность уточнять у него нюансы и детали биографии. Написанная Пир-

соном биография драматурга была опубликована в 1942 году и не вызвала никаких нареканий со стороны Шоу. Так что у нас есть основания считать, что Пирсон ничего не искажил и не переврал.

Так вот, по версии Пирсона, Бернард Шоу не собирался ни в какую Москву и отправился туда только в связи с особыми обстоятельствами. Эти особые обстоятельства — сложное положение, в котором оказалась его приятельница леди Астор. Вскрылось, что её сын от первого брака — гомосексуалист. А в Англии того времени гомосексуализм уголовно преследовался. В случае ареста сына и суда над ним политическая карьера «первой в Англии женщины-парламентария» рухнула бы — в стране, которая на тот момент всё ещё была в значительной степени пуританской, у неё не было бы шанса выиграть очередные выборы в нижнюю палату парламента.

Пирсон указывает, что идея поездки в Москву принадлежала вовсе не Бернарду Шоу, а Ас-

торам и маркизу Лотиану — общему знакомому Бернарда Шоу и Асторов. Именно Лотиан сообщил драматургу, что, во-первых, леди Астор нуждается в срочном отдыхе; что, во-вторых, лично Лотиан и лорд Астор намерены сопроводить её в Москву; и что, в-третьих, они просят Шоу поехать с ними, так как не могут пожелать себе лучшего спутника. Пирсон пишет, что Шоу с готовностью согласился, поскольку и он не мог пожелать себе лучших спутников, чем упомянутые лица. Таким образом, мы узнаём, что впервые появившийся на нашем горизонте маркиз Лотиан близок к чете Асторов (активно участвует в разрешении их семейной проблемы), а также находится в хороших отношениях с Шоу (они друг для друга — «лучшие спутники»).

Если бы лорды Асторы отправились в Советскую Россию просто как частные лица, то леди Астор, возможно, и отвлеклась бы немного от своих невесёлых дум, но не решила бы никакой политической задачи. Иное дело — совместная по-

ездка с великим драматургом, чьё дружественное слово в поддержку советского строя так много значило для руководства СССР в напряжённой международной обстановке того времени. Бернарда Шоу (а заодно и его спутников), без сомнения, ждал в Советском Союзе приём по высшему разряду. Асторы не могли не знать, что у СССР не выстроены отношения с британскими консерваторами, негативно относившимися к «красным», и что СССР заинтересован в выстраивании этих отношений. Приезд в СССР в составе делегации, возглавляемой Бернардом Шоу, давал Асторам шанс на встречу с высшим политическим руководством страны. Выступив в роли первопроходцев — первых крупных консерваторов, установивших отношения с советским руководством, Асторы повышали собственный рейтинг в глазах британского истеблишмента и приобретали своего рода политическую неуязвимость. А потому, прибыв в Москву, они настойчиво добивались и добились-таки встречи со Сталиным, хотя пер-

воначально в программе визита Шоу такая встреча не значилась.

Свои интересы имел в Москве и маркиз Лотиан, который с 1916 по 1921 гг. был личным секретарём Ллойд Джорджа — последнего британского премьер-министра от Либеральной партии. Пирсон сообщает со слов Бернарда Шоу, что в ходе беседы со Сталиным Лотиан рассказал главе советского государства, что Либеральная партия (которая с середины XIX века по двадцатые годы XX века являлась, наряду с консерваторами, одной из двух ключевых политических сил Великобритании) переживает не лучшие времена. Либералов потеснили лейбористы (кстати, у истоков Лейбористской партии стояли фабианцы). Остатки ослабленных либералов разделились на два крыла: правое отошло к консерваторам, а вот левое не захотело быть поглощённым лейбористами. Лотиан заявил, что именно левые либералы способны на подлинно научное построение коммунизма. И предложил Полит-

бюро пригласить в Москву с официальным визитом Ллойд Джорда — лидера левых либералов. Однако Сталин, упомянув о негативной роли Ллойд Джорджа в Гражданской войне (он поддерживал Врангеля против красных), отклонил это предложение.

Мы не знаем, принесла ли Лотиану хоть какие-то дивиденды его встреча со Сталиным. А вот расчёт Асторов, безусловно, оправдался. Известие о том, что Асторы встречались со Сталиным, стремительно достигло Великобритании. После чего симпатизировавший Сталину британский газетный монополист лорд Бивербрук сделал невозможное: скандальная новость об аресте сына леди Астор (а к тому времени он был уже арестован) вообще не попала в СМИ! А в ноябре 1931 года молодой человек был уже на свободе.

Фабианец Бернард Шоу — консерваторы Асторы — левый либерал маркиз Лотиан... Их связывало что-то «внепартийное», но что именно? Нам предстоит исследовать эту связь. Этим мы

сейчас и займёмся.

Начнём с того, что маркиз Лотиан был давним другом семьи Асторов. В своё время Асторы сблизилась с кругом представителей так называемого «Детского сада Милнера» («Milner's Kindergarten»), а Лотиан входил в этот круг. Что же представлял собой данный круг?

Наставник «Детского сада» — Альфред Милнер (1854–1925) — в течение почти четверти века оказывал существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Британской империи. В частности, был Верховным комиссаром Южной Африки. Именно его жёсткие действия фактически спровоцировали начало Второй англо-бурской войны (1899–1902). Он же во многом способствовал и её окончанию на выгодных для Британской империи условиях — под британским контролем оказались алмазные копи Южной Африки, а также значительная часть её золотых запасов.

Одним из значимых эпизодов политической

биографии Милнера стало его членство в военном кабинете Дэвида Ллойд Джорджа с конца 1916-го по ноябрь 1918 года, то есть в том числе и во время проведения Ллойд Джорджем резко враждебной по отношению к Советской России линии. А в 1919–1921 гг. Милнер занимал пост министра по делам колоний.

«Детским садом Милнера» неофициально назвалась группа молодых сотрудников южноафриканской Государственной службы, работавших под началом Милнера после окончания Второй англо-бурской войны. Данная группа была «мозговым центром», в задачу которого входило, в частности, восстановление разрушенной южноафриканской экономики. Что касается взглядов этой группы на будущее Британии, то Британию она видели империей — никак иначе. Усилиями «Детского сада Милнера» в 1910 году был создан Южно-Африканский Союз — доминион Британской империи, в состав которого вошли четыре британские колонии. После чего Милнер

и его подопечные вернулись в Лондон, сохранив между собой самые прочные связи. Иногда их называли по старинке «Детским садом Милнера», иногда просто «Группой Милнера». Впоследствии многие выходцы из «Детского сада Милнера» заняли важные позиции в британской политической системе (об этом чуть позже).

В Лондоне к группе Милнера постепенно прикнуло несколько влиятельных людей, в том числе лорд и леди Асторы. Именно здесь Асторы сблизились с маркизом Лотианом.

Филипп Керр (1882–1940), 11-й маркиз Лотиан, являлся одним из видных членов «Детского сада Милнера». С 1905-го по 1910 год он служил в южноафриканском правительстве. Позже — с 1916 по 1921 г. — занимал пост личного секретаря Ллойд Джорджа, британского премьер-министра от Либеральной партии. (Напомню, что Уолдорф Астор, супруг леди Астор, тоже некоторое время служил личным секретарём Ллойд Джорджа — невзирая на то, что тот был либера-

лом, а Астор — консерватором. Ряд источников настаивает, что Ллойд Джорджа и лорда Астора связывали давние дружеские отношения. Добавим, что, как мы уже указали ранее, лорд Милнер с 1916 по 1918 гг. входил в военный кабинет Ллойда Джорджа. То есть мы видим явную связь между группой Милнера и Ллойд Джорджем.)

Венцом карьеры маркиза Лотиана стал пост посла Великобритании в США, который он занимал в очень сложный исторический момент — с 1939 года и до самой своей смерти в конце 1940 года.

В числе видных представителей группы Милнера можно упомянуть Джорджа Джеффри Дусона (редактора «Таймс» в 1912–1917 гг., близкого знакомого лордов Асторов), сэра Патрика Дункана (генерал-губернатора Южной Африки в 1927–1943 гг.) и других.

Филипп Керр, 11-й маркиз Лотиан

Особо следует выделить Лайонела Кертиса (1872–1955) — участника Второй англо-бурской войны, секретаря лорда Милнера. После смерти Милнера в 1925 году он возглавил «Детский сад» и был бессменным руководителем этой группы в течение тридцати лет, до самой своей смерти. Кертис известен, прежде всего, как основатель *Британского института международных отношений*. Институт этот был создан в 1920 году. Годом ранее, в 1919 году, Кертис на встрече высокостатусных представителей английской и американской делегаций, состоявшейся в ходе Парижской мирной конференции, предложил создать англо-американский институт международных отношений. Однако в итоге было решено образовать две отдельные организации, которые сотрудничали бы между собой. Кертис основал вышеназванный институт в Лондоне, а в Нью-Йорке был открыт Совет международных отношений. Позже, в 1926 году, детище Кертиса получило Королевскую хартию и было переиме-

новано в Королевский институт международных отношений, ныне известный как «Чатем-хаус» (Chatham House).

Между прочим (коль скоро поводом для нашего исследования стала реализация проекта по уравниванию фашизма и коммунизма не где-нибудь, а на Украине), «Чатем-хаус» давно и пристально наблюдает за российско-украинскими отношениями. На чьей стороне симпатии этой организации, угадать несложно. Ещё в 2005-м, запустив проект The Chatham House Prize, предполагавший награждение лиц, которые внесли наиболее существенный вклад в улучшение международных отношений, институт присудил первую свою награду президенту Украины Виктору Ющенко. А относительно недавно, 4 июня 2015 года, «Чатем-хаус» опубликовал аналитический отчёт «Российский вызов» (The Russian Challenge). В отчёте исследуется внешняя политика России в 2000–2015 гг., а также даются рекомендации Западу по мерам противодействия на-

шей стране. Главную опасность авторы отчёта видят в том, что Россия претендует на восстановление полномасштабного политического влияния на постсоветском пространстве. Подчёркивается, что любая попытка изменить порядок, установившийся после распада СССР, может поставить под угрозу существование Евросоюза и НАТО. При этом указывается, что агрессивные действия России уже направлены на разрушение данного порядка.

«Конфликт на Украине стал ключевым моментом, определяющим будущее европейской безопасности. Крах Украины углубит нестабильность в Восточной Европе, увеличит риск очередной авантюры Кремля и уменьшит возможности для будущих позитивных изменений в России», — говорится в докладе. В числе рекомендаций Западу — укреплять собственную боеспособность (срочно повысить эффективность своего неядерного оружия); всячески поддерживать независимость постсоветских го-

сударств; искать новые способы коммуникации с населением России и разъяснять ему, насколько выгодно присоединение к европейскому пространству; избавить Европу от газовой зависимости от России; противодействовать российской пропаганде; готовиться к смене российского политического режима (!), которая неизбежна (при этом делается оговорка, что режим может смениться как в лучшую сторону, так и в худшую).

Вот вам ещё один пример «игры вдолгую»: Королевский институт международных отношений, созданный в середине двадцатых годов прошлого века Лайонелом Кертисом, членом «Детского сада Милнера», десятилетиями неуклонно и неспешно ведёт свою антироссийскую линию.

Итак, Филипп Керр (маркиз Лотиан) вошёл в группу Милнера во времена своей работы в Южной Африке. Лорды Асторы примкнули к этой группе позже, но вписались в неё достаточно прочно. В 1939–1945 гг. старший сын четы Асторов — Уильям Уолдорф — занимал пост

председателя Королевского института международных отношений (основанного, как было сказано выше, Лайонелом Кертисом — членом команды лорда Милнера, возглавившим после его смерти «Детский сад»). Кстати, Асторы в своё время внесли свой финансовый вклад в создание этого института, появившегося на свет в 1925 году. А спустя более четверти века они финансово участвовали и в создании общества «Мон-Пелерин» (1947 год).

Сама леди Астор в течение многих лет была дружна с маркизом Лотианом. Дружба эта строилась, в том числе, на общих религиозных интересах. Филипп Керр вырос в католической семье, однако затем вместе с Нэнси Астор примкнул к религиозному движению протестантского толка «Христианская наука». Со временем у леди Астор развился нетерпимый взгляд на католицизм. Иногда это приписывают влиянию Керра — человека, отринувшего католицизм. Но, возможно, бóльшую роль тут сыграло американское проис-

хождение леди Астор — она выросла в протестантском окружении.

Отметим попутно, что леди Астор была не только антикоммунисткой и противницей католицизма, но ещё и антисемиткой. В переписке с отцом будущего президента США Джона Кеннеди — Джозефом Кеннеди (послом США в Великобритании в 1938–1940 гг.) Нэнси Астор выражала надежду на то, что Гитлер сумеет избавить Европу от засилья евреев и коммунистов. Кеннеди-старший придерживался близких взглядов: он фактически не скрывал свою симпатию к антиеврейской политике Гитлера, что, по большому счёту, и закрыло для него в дальнейшем возможность сделать политическую карьеру... Леди Астор всячески противодействовала приёму евреев и католиков на работу в принадлежавшую семье Асторов газету *The Observer*, причём это установленное ею неписаное правило соблюдалось даже в 1960-е годы.

Мы достаточно подробно остановились на группе Милнера в связи с тем, что ядром «кливденской клики», к которой нам пора переходить, стали как раз члены Милнеровского «Детского сада». Но об этом мы поговорим уже в следующей статье.

Анна Кудинова

Классическая война

Россия в сирийской войне

Способна ли вообще регулярная армия в открытом столкновении победить нерегулярные партизанские силы?

30 сентября началась и сейчас активно развивается военная операция российских Военно-космических сил, поддерживающих своими авиаударами сирийскую национальную армию в борьбе против террористов «Исламского государства».

Собственно, само сообщение об участии России в войне в Сирии уже вышло из разряда

горячих новостей и перешло в разряд фактов, подлежащих аналитическому осмыслению. Этим сейчас и занимаются многочисленные военные и околвоенные эксперты, каждый — в меру своего понимания и информированности.

Например, доктор военных наук Константин Сивков буквально на следующий день после начала российской операции дал «Свободной прессе» большое интервью под названием «С партизанами авиаударами не воюют». Там он заявил, что *«непосредственное участие в боевых действиях в Сирии — это... политическая ошибка нашей страны»*. Сивков постарался обосновать своё мнение подсчётами: сколько боевых самолётов имеет в Сирии Россия и сколько — США и их союзники по коалиции (у них — во много раз больше); сколько потребуется доставить из России в Сирию тонн горючего и вооружений и хватит ли этого для интенсивных военных действий (не хватит); можно ли победить с помощью авиации партизан (невозможно).

Подсчёты Сивкова, честно говоря, не убеждают: уж слишком он сгущает краски, причём намеренно не в нашу пользу. А вот последний вопрос — важен. Возможно даже, это самый важный вопрос конца XX — начала XXI века, то есть эпохи появления открыто действующих вооружённых террористических формирований. Только задать его следует в иной интерпретации: способна ли вообще регулярная армия в открытом столкновении победить нерегулярные партизанские силы?

Концептуально обсуждать этот вопрос, видимо, следует отдельно. И мы обязательно это сделаем. Но и в этой статье всё же придётся коснуться определённых характеристик контрпартизанской борьбы на примере Сирии.

До вьетнамской войны с участием США (1965–1973 гг.) и афганской войны с участием СССР (1979–1989 гг.) вопрос о победе регулярной армии над партизанами имел заведомо положительный ответ — какие могут быть сомнения,

конечно же, победа обеспечена! Однако когда две крупнейшие державы тогдашнего мира одна за другой проиграли в этих войнах, всё стало далеко не так однозначно.

Как минимум, стало ясно, что рассматривать борьбу против партизан как элемент традиционной войны, как боевые столкновения крупных противоборствующих армий — неверно. И хотя и во Вьетнаме, и в Афганистане реально действовали крупные партизанские армии, вооружённые порой и тяжёлым оружием, всё-таки отличие от регулярной армии и в методах ведения войны, и в тактике, и в идеологизации было принципиальным.

Казалось бы, следовало осознать проблему и сделать выводы. Но после распада СССР новой России было не до осмысления итогов афганской войны. И поэтому когда она вновь столкнулась с проблемой контрпартизанской борьбы в Чечне, она действовала по-прежнему. И первая чеченская война вновь оказалась проигранной.

Американская армия в XX веке также много раз терпела поражения от партизан: военная операция в Лаосе (1962–1973 гг.) была проиграна, огромная финансовая и военная поддержка США в Никарагуа в 1979 году не помогла устоять режиму диктатора Самосы («нашего сукиного сына») в борьбе против сандинистской герильи (партизанского движения), ливанская интервенция США в 1983 году бесславно закончилась после ряда террористических актов шиитских боевиков. Это только крупные примеры — мелких гораздо больше.

Однако в начале XXI века США всё же сделали выводы из опыта всех этих контрпартизанских войн. И первый из них был в том, чтобы никогда не вести классическую войну с партизанами, во всяком случае, не воевать с ними при помощи наземных армий. Воздушные удары, точечные или массированные, ракеты, другое высокоточное вооружение — вот преимущественные средства борьбы с нерегулярными силами.

Второй вывод был в том, чтобы разработать и взять на вооружение так называемую концепцию нетрадиционных военных действий. И вот в 2010 году, в качестве итога многолетнего осмысления этой проблемы, для американских Сил специального назначения было издано наставление по помощи партизанам, борющимся против своих правительств (естественно, речь шла о тех правительствах, которые США считают необходимым сместить).

Замечателен эпиграф, предпосланный этому наставлению: *«Есть другой вид военных действий — новый по методам, старый по происхождению — война партизан, диверсантов, наёмников, убийц; война засад вместо открытых столкновений, инфильтрации вместо открытой агрессии, добивающаяся победы изнурением и распылением врага вместо подавления его. Она полагается на восстание».* Автор — президент США Джон Кеннеди, 1962 год.

Смысл же (и хорошо продуманная техноло-

гия) таких нетрадиционных действий — в том, что армия США помогает партизанам — обучает, организует, инструктирует, выстраивает стратегию действий, снабжает оружием и оборудованием — чтобы их руками уничтожить власть государства-жертвы. Если же партизаны сами не справляются с этой задачей, то США найдут способ использовать и собственные вооружённые силы — опять же, прежде всего, воздушные.

Таким образом, на сегодняшний день те же самые боевики ИГИЛ действуют в полном согласии с американской концепцией смещения сирийской власти чужими руками, и не исключено, по лекалам наставления Сил специального назначения США.

Теперь гораздо яснее становятся резоны России, решившей вступить в контрпартизанскую войну в Сирии, — ведь даже если бы террористы ИГИЛ действовали абсолютно самостоятельно, без поддержки США, их победа над правительственными войсками была бы вопросом вре-

мени. При поддержке же США до поражения сирийской армии оставались бы месяцы, а то и дни.

Так что первым важнейшим фактором для принятия решения о вступлении в войну было стремительно утекающее время.

Вторым фактором являлась угрожающая военно-стратегическая ситуация. У принимающих решения в России не было сомнений, что следующим объектом наступления иГИЛОВЦЕВ будет ближайшая к России центрально-азиатская зона, а то и непосредственно территория нашей страны. Оснований для такого понимания ситуации множество: и резко ухудшившиеся (фактически до уровня холодной войны) отношения с Западом, и наращивание санкций, и явно долгоиграющая ситуация вокруг Украины. Здесь же стоило бы упомянуть настойчиво продвигаемую программу американской ПРО, и регулярные «проверки бдительности» в акватории Чёрного моря, устраиваемые американскими кораблями, и усиление тяжёлой техникой почти

всех натовских военных баз по периметру нашей страны.

Наконец, третий фактор — из разряда «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Считается, что против халифата ИГИЛ воюет чуть ли не весь мир. Их позиции активно бомбят американцы, французы, саудиты, австралийцы, турки — более десятка государств. Но все эти акции, продолжающиеся с августа 2014 года, почему-то не приносят особого результата: халифат хоть и потерял часть прежде захваченных территорий в Ираке, зато успешно структурировался, вооружился и уверенно ведёт дело к окончательному захвату Сирии.

Именно Сирия является для ИГИЛ «слабым звеном» — ведь это государство, точнее, её лидера Башара Асада американцы и вся коалиция защищать не хотят. Не потому ли и бомбардировки позиций ИГИЛ выглядят какими-то «щадящими», что Западу важнее падение режима Асада, чем нанесение действительного ущерба халифа-

тистам? По меткому замечанию одного эксперта, вся эта западная «борьба» с ИГИЛ весьма напоминает мюнхенский сговор, когда Англия и Франция фактически устранились от борьбы с Гитлером ради того, чтобы направить его на СССР. Сейчас на месте отданной Гитлеру Чехословакии — Сирия, а на месте Третьего рейха — халифат, который должен быть направлен на Россию.

В этих условиях Россия, помогая правительственным сирийским войскам, фактически решает и задачи собственной безопасности — вялая война Запада ИГИЛ точно не уничтожит, а вот единственная регулярная сила, борющаяся с ними, обязательно проиграет. Не дать этому случиться — задача России.

Исходя из обозначенных — на наш взгляд, весьма грозных — факторов довольно странными выглядят панические заявления ряда наших аналитиков о том, что «Россия завязнет в Сирии как в новом Афганистане» и что «ИГИЛ перенесёт всю свою деятельность на нашу территорию».

Помилуйте, халифатисты уже нацелены на Центральную Азию (и уже присутствуют в Афганистане), так что если их не остановить сейчас, они, рано или поздно, придут на нашу территорию. Глава Администрации президента РФ Сергей Иванов в своём первом сообщении о начале военной операции в Сирии именно об этом и сказал: *«...легко предположить... что они (террористы ИГИЛ из России и стран СНГ) и дальше будут возвращаться на нашу территорию. Таким образом, целесообразно действовать на опережение и действовать на дальних рубежах, а не сталкиваться с этой проблемой потом у себя, в России».*

Думается, что речь здесь идёт не только о нескольких сотнях или даже тысячах граждан России и СНГ, которые могут вернуться на родину и начать террористическую войну. В подтексте, как нам кажется, говорится о гораздо большем — не об отдельных терактах, а о полномасштабной войне, причём Россия должна будет ве-

сти её, имея у себя в тылу исламистскую «пятую колонну». Ведь идея халифата, объявленно-го фанатиками-игиловцами, заключается в постоянном расширении — территориальном, идеологическом, религиозном. А значит, они не останутся.

Что же касается опасений завязнуть в Сирии, как когда-то в Афганистане, то здесь следует вновь сослаться на Сергея Иванова: *«Военной целью операции является исключительно воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их противодействии ИГИЛ».*

И в дальнейшем руководство России неоднократно подчёркивало, что операция носит ограниченный характер — и по задействованным силам, и по временным параметрам.

Уверен, что Россия не намерена осуществлять наземную операцию в Сирии, задействовав огромный (в Афганистане его называли ограниченным) сухопутный контингент. Да этого и не нужно, потому что есть другой, не наш контин-

гент — сирийский.

Наземные войска, борющиеся с игиловцами, — сирийская правительственная армия, иранские подразделения КСИР, курды из пешмерги и ряд других — уже доказали, что воевать умеют, а дух их по-прежнему силён. Так что не исключено, что воздушные удары российских ВКС, пришедших к ним на помощь, станут той соломинкой, которая переломит хребет верблюду.

Что же касается заявления эксперта К. Сивкова, с которого мы начали статью, о том, что «с партизанами авиаударами не воюют», то тактика, знаете ли, не стоит на месте. И если в годы Великой Отечественной войны в лесах, где воевали наши партизаны, бомбардировки действительно были почти бесполезны, то в пустыне, где хорошая видимость, боевая авиация, использующая новейшие средства обнаружения и высокоточное оружие, очень даже эффективна.

Подводя итог, следует сказать: российская военная операция против террористов ИГИЛ поли-

тически является превентивной акцией, позволяющей ослабить силы антиправительственных сирийских партизан и, тем самым, минимизировать их последующий натиск на Россию. Судя по решительности, с которой начата и разворачивается операция, Россия вступила в войну в её самый критический, переломный момент, поскольку без её помощи правительственная армия Сирии фактически проигрывала партизанам. И само вступление России в эту войну является не политической ошибкой, а вынужденным актом самозащиты, все сегодняшние минусы которого (а они осознаются) перекрываются возможной победой над самым грозным террористическим врагом.

Юрий Бардахчиев

Социальная война

О культуре усыновления в США — 2

Нужна ли нам такая американская культура усыновления, внедряемая сегодня по всему миру как «глобальная»? На наш взгляд — однозначно нет!

Начав обсуждать в предыдущей статье тему «Культура усыновления в США» (каковую России ставят в пример как пока что недостижимый образец), мы показали, что за последние два столетия в США практика усыновления детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, претерпела принципиальные изменения. Пройден путь от нерегулируемых законом единичных слу-

чаев усыновления до становления юридически оформленного социального института усыновления во всех штатах. Были разработаны и внедрены стандарты, регулирующие процесс усыновления, расширились категории детей, подлежащих усыновлению (в том числе, дети с ограниченными возможностями, дети национальных и расовых меньшинств, подростки, дети с ВИЧ, СПИДом), а также созданы кадры квалифицированных социальных работников.

Особо следует отметить, что в 70-е годы прошлого века начинается новый этап в развитии культуры усыновления в США, получивший название «Время детей радуги». В это время проблема усыновления была выведена на международный уровень. Уже в 1974 году на Всемирной конференции по проблемам народонаселения был принят Всемирный план действий, который призвал страны упростить проблемы усыновления с тем, чтобы все супружеские пары могли бы иметь желаемое число детей.

За прошедшие после конференции десятилетия в мире наблюдался рост новых демографических тенденций — поздние браки и поздние дети, рост уровня бездетности и разводов, распространение новых форм семей (гомосексуальных, прежде всего) — привели к тому, что возросло число людей, которые использовали альтернативные способы стать родителями. Главный из которых — усыновление.

Вступившая в силу в 1989 году Конвенция ООН о правах ребёнка закрепила детоцентристское законодательство. И принцип соблюдения интересов и благополучия ребёнка стал краеугольным при решении всех вопросов, связанных с усыновлением. Напомним, что если ещё 100 лет назад обычно усыновлялись подростки или даже взрослые люди, которые могли обеспечить сохранение семейного рода, то сегодня принцип соблюдения интересов ребёнка и наилучшего его обеспечения — основной в законодательствах по усыновлению в большинстве

стран мира. Помимо прочего, это свидетельствует о стремительном росте значимости, ценности детей. Добавим — и их цене на международном рынке торговли детьми.

Изменение языка усыновления

В 70-е годы в США под задачу международного усыновления оформляется новый язык в этой сфере. Разработанный в среде американских социальных работников «позитивный» (positive) язык усыновления был призван разрушить негативные представления об усыновлении через внедрение новых терминов, которые бы уравнивали родных и приёмных родителей. (Ситуация, знакомая читателю по внедрению политкорректности в различные сферы жизни — началось с безобидного «не негр, а афроамериканец», и привела к сегодняшнему «не педофил, а человек, любящий детей по-настоящему».)

В частности, в рамках позитивного языка тер-

мин «natural mother» («родная мать») был заменён на «birth mother» («биологическая мать», «мать, которая родила»), поскольку употребление термина «natural parent» оскорбляло приёмных родителей и заставляло их чувствовать себя «unnatural» («unnatural» в английском имеет ярко выраженный негативный оттенок как «ненормальный»). Или, например, рекомендовалось избегать терминов «real parent» («настоящий родитель»), «real family» («настоящая семья»), «real mother» («настоящая мать») в отношении биологических родителей, поскольку оказывалось, что приёмные родители являются не настоящими, «artificial».

Ответом «позитивному» языку на поле усыновления стало возникновение «честного» языка (honest adoption language). «Честный» язык строился на убеждении его сторонников, что семейные отношения первичны по отношению к юридическим актам, что внедряемая (позитивная) лексика унижает настоящих родителей и направ-

лена лишь на расширение рынка приёмных детей. Что политкорректный «позитивный» язык усыновления не отражает всего комплекса противоречивых, сложных, драматических чувств, возникающих у участников усыновления. По существу, «честный» язык созвучен понятиям традиционных культур. И на этом языке женщина, давшая ребёнку жизнь, это «natural, first mother» (естественная, первая мама). А не «birth mother» — биологическая мать. По мнению сторонников «честного» языка, термин «birth mother» — пренебрежительный и подразумевает, что после родов женщина перестаёт быть матерью, а рассматривается как «breeder» («производитель»), «incubator», то есть суррогатная мать.

И если в «позитивном» варианте «передать ребёнка на усыновление» — to place (нейтральное — *разместить*), то в «честном» — to surrender (дословно — *капитулировать, сдаваться*), to separate (*разлучаться*) или даже — to

lose adoption (*потерять отцовство/материнство*).

То есть, на поле усыновления на уровне терминологии (лексики) шла и идёт серьёзная смысловая борьба за семью. И осуществляется она отнюдь не только в рамках одной страны. По аналогии с американским «позитивным» языком усыновления российские журналисты старательно выбирают эмоционально позитивные слова вместо негативных, но дающих закреплённую веками смыслово-эмоциональную оценку массовым процессам по устройству детей в приёмные семьи. Исчезают слова «отчим», «мачеха», «приёммыш», а термин «родной/свой ребёнок» меняется на «кровный, биологический ребёнок», «детдомовец, сирота» на «ребёнок, ожидающий родителей/нуждающийся в семье» и т. д.

«Открытое усыновление»

Не останавливаясь на языковых нововведениях, институт социальных работников заявил о необходимости сформировать «культурную компетентность». Началось оформление таких понятий и практик как «открытое усыновление», «культура рождения». Именно они и определили основные направления развития современной культуры усыновления в США.

Что такое практика «открытого усыновления» (Open Adoption)? Вот как это происходит: забеременевшая молодая женщина, одинокая женщина или пара, которая считает, что по тем или иным причинам не может воспитать будущего ребёнка, обращается в соответствующее Агентство, которое ищет приёмных родителей для будущего малыша. Далее женщина (или пара) встречается с несколькими потенциальными родителями и выбирает из них подходящую семью для её ещё нерожденного ребёнка.

До рождения ребёнка обе семьи между собой поддерживают отношения, обсуждают течение беременности. Когда наступают роды, приёмная семья присутствует на них, и часто новорождённого ребёнка отдают в руки приёмной матери. Далее по мере роста ребёнка приёмные родители сообщают биородителям о том, как развивается малыш. Высылают его фотографии, видео, происходят встречи... всё для подтверждения того, что ребёнок был отдан биоматерью в хорошие руки. Всё предельно открыто: ребёнок знает, что он приёмный, что у него 4 родителя, что родные родители передали его неродным. И все утверждают, что любят ребёнка...

Согласитесь, что такая договорная операция по добровольной передаче своего ребёнка в чужую семью, мягко говоря, неестественна. По крайней мере, для России. Потому что не от безвыходности и не в порыве отчаянья (что ещё хоть как-то могло бы понять наше традицион-

ное сознание), а — подумали, посчитали, договорились и сознательно отдали своего ребёнка. И нередко чувствуют себя при этом ещё и благодетелями.

Чем это отличается от суррогатного материнства? Ничем.

Нужна ли нам такая американская культура усыновления, внедряемая сегодня по всему миру как «глобальная»? На наш взгляд — однозначно нет.

«Культура рождения»

«Открытое усыновление» сопровождается общественным движением «культура рождения». Данная «культура» приветствует обязательное (!) приобщение приёмного иностранного ребёнка к культуре той страны, из которой он родом. Даже если он был усыновлён в младенчестве. Речь идёт о налаживании связей приёмных родителей с биологическими

родителями усыновлённых детей, с их кровными родственниками, со страной, откуда были вывезены дети. Например, дети вместе с приёмными родителями посещают приюты или семьи, в которых дети находились до усыновления, ездят вместе на экскурсии по стране, откуда дети родом.

И никто не задумывается, что такое установление связей может иметь (и имеет) обратный эффект — приёмный ребёнок ощущает, что он чужой и в приёмной семье, и на своей исторической родине. Такой же чужой, как и в рассмотренной выше ситуации «открытого усыновления» при наличии четырёх родителей.

Поэтому не удивительно, что открытость усыновления приветствуется не всеми американскими родителями. С одной стороны, незнание тайны происхождения ребёнка не приводит к травмированию его психики и нарушению его отношений с приёмными родителями, что могло бы произойти в случае её обнародования. С другой

стороны, постоянные контакты детей с родными родителями нарушают их отношения с приёмными родителями и влияют на привязанность к ним. Вплоть до возникновения у детей чувства вины перед обоими. Не говоря уже об имеющих место конфликтах между родной матерью и приёмными родителями.

А главное, на наш взгляд, при таких процессах размывается само понятие «семьи», а вместе с этим исчезает та безопасность и опора, которую даёт семья ребёнку в сложном процессе его роста, становления, да и на протяжении всей его взрослой жизни.

Широко известно, что ребёнок при разводе родителей получает серьёзную психотравму. А здесь он живёт с одной мамой, встречается с другой мамой, которая почему-то отдала его. И какая из них мама? И где его семья?

Не стоит также забывать и о значительном размывании понятия «нормальная семья» узаконенным существованием в США гомосексуаль-

ных семей.

И наконец, ещё об одной важной составляющей американского усыновления. Продвигаемое США международное усыновление является доходным бизнесом с оборотом очень больших денег. Конечно, это отдельная тема, которую мимоходом не раскрыть, но её следует обозначить. Поскольку без её учёта мы не поймём, откуда такое внимание к культуре усыновления в США.

Приведём лишь мнение на этот счёт Роели Пост, известной правозащитницы из Дании, эксперта Еврокомиссии по правам человека. По её словам, международное усыновление перестало быть «гуманитарной акцией», это давно — индустрия. На рынок международного усыновления часто попадают не сироты, а дети бедняков из бедных стран. Роели Пост участвовала в разоблачении коррупционной сети, приведшей к массовой передаче румынских детей в США и другие страны Запада на усыновление, подтвердив документально, что это была торгов-

ля детьми в больших масштабах. В результате её исследований Румыния с 2006 г. запретила международное усыновление.

Специалисты отмечают, что в мире сегодня активно формируется «глобальная культура усыновления». Она определена как *«одновременный процесс гомогенизации (приведения однородности), унификации процедуры усыновления и качественной культурной адаптации семей с приёмными детьми»*. Но по факту во главу угла ставится идея не гомогенности, а разнообразия форм. Обществу объясняют, что усыновление непременно характеризуется богатством форм создания семьи. И чтобы обеспечить такое «богатство», американские исследователи активно изучают, заимствуют и внедряют формы, ритуалы и традиции, существующие в семейной традиции архаических обществ. Не случайно, что именно на архаическую нормативность ссылаются пропагандисты таких нетрадиционных семейных форм как однополая, бисексуальная семья

или педофилия.

Россия, имеющая свои духовные традиции в культуре усыновления, общую высокую русскую культуру, не обязана и не должна (!) переходить на чуждые, неприемлемые для нас представления о семье, о доме, о родстве. Как бы этого ни добивались проводники глобальной культуры усыновления. И эту позицию мы должны чётко заявлять и отстаивать.

Вера Сорокина

Мироустроительная война

Истоки американских представлений об исключительности

Первые колонисты были крайне религиозны. Причём пуританская вера колонистов смогла сохранить свою чистоту, ортодоксальность за счёт того, что всех инакомыслящих просто изгоняли из общины

С самого начала существования американского государства американцы считают себя особым народом. И действительно, ни в какую эпоху невозможно создание государства без убеждён-

ности его создателей в своей особой миссии. Однако вопрос о содержании этой миссии применительно к США всё больше интересует мировую общественность — по мере увеличения в мире числа и масштабов военных конфликтов, спровоцированных политикой США.

Из-за обширных бедствий, вызванных этими конфликтами, саркастические высказывания об «особой роли США в мире» стали общим местом и навязли в зубах. А раз так, тем важнее понять, как складывалось и что содержало в себе изначально американское представление о собственной исключительности.

Впервые об американской особенности написал французский мыслитель и политический деятель Алексис де Токвиль в своём знаменитом труде «Демократия в Америке», который выходил в 1835 и 1840 годах. Сам Токвиль не был лишь кабинетным учёным, в конце 1840-х годов он занимал пост министра иностранных дел Франции.

В трактате Токвиля говорится: «*Положение,*

в котором оказались американцы, совершенно уникально, и едва ли какой-нибудь другой демократический народ когда-либо сможет оказаться в подобной ситуации». Суть этой исключительности, по мнению Токвиля, заключается в сочетании особых условий американского континента — с пуританским мировоззрением. Только на американском континенте могла появиться такая выдающаяся нация, считает французский мыслитель.

С самого начала своего развития Америка формировалась как Новый Свет — то есть альтернатива Старому Свету, под которым имелась в виду Европа. Первая английская колония появилась здесь в 1607 г. в Вирджинии и получила название Джеймстаун.

В Европе в этот период ещё прочно господствовали феодальные отношения, но этот Старый европейский мир уже клонился к упадку, яркими признаками которого были Реформация XVI века и последующие за ней религиозные войны.

Расширявшееся движение европейского протестантизма обвиняло католичество в вырождении и обмирщении. Однако власть католичества в Европе по-прежнему была огромной, а протестантизм всё более претендовал на строительство собственного — нового — мира. Одним из выходов было бегство от старого, прогнившего мира в мир Новый. В котором не будет ни королей, ни церковных иерархов.

Важным моментом в американской истории является прибытие к колонистам корабля «Мэй-флауэр». Это был торговый корабль, вышедший из английского порта Плимут, дабы по прибытии в Новый Свет основать там колонию. В 1620 г. пилигримы заключили между собой соглашение, по которому обязались в своей колонии установить правление на принципах демократии и самоуправления. В будущем этот принцип лёг в основу американского конституционализма. По этому принципу образовывались в дальнейшем и новые колонии в Новом Свете.

Первые колонисты были крайне религиозны. Причём, как подчёркивает известный американский историк неоконсервативного толка Дэниел Бурстин, пуританская вера колонистов смогла сохранить свою чистоту, ортодоксальность за счёт того, что всех инакомыслящих просто изгоняли из общины.

Именно от пуритан, по мнению Бурстина и многих других американских историков, идёт американская вера в особое предназначение своей страны. Джон Карпентер, автор книги «Пуританский век Новой Англии: три последовательные генерации внутри Града на холме» пишет: *«Пуритане были детьми Реформации. На её волне богословие было отмечено нововведением исторического измерения христианства. Бог действует во времени, направляя историю и действуя через особого посредника»*. Таким образом, каждый пуританин ощущал себя посредником между этим миром и миром горним, он нёс в этот мир некую правду, был готов за неё

умереть.

Ключевым образом в таком мировосприятии является американское представление о своей стране как о «Граде на холме». Каково происхождение этого представления?

Источником этого выражения (образа) является Священное Писание. В синодальном переводе используется слово «гора», а в английских версиях Священного Писания используется слово «холм».

В Книге пророка Исаии говорится: *«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдём на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима»* (Ис. 2:2–3).

В Евангелии от Матфея говорится следующее: *«Вы — свет мира. Не может укрыться город,*

стоящий на верху горы» (в англиканском варианте — холма) (Мф. 5:14).

Применительно к США это словосочетание впервые произнёс Джон Уинтроп, губернатор штата Массачусетс, одна из значимых фигур американской истории. Библейская энциклопедия даёт весьма ёмкую характеристику личности Джона Уинтропа и всей его деятельности, из которой даже возникает представление о приближённости позиций Уинтропа к теократическим принципам построения общества. Вот что там говорится:

«Джон Уинтроп (1588–1649) — теолог-конгрегационалист, религиозный и политический деятель. Из английской семьи богатых землевладельцев. Получил образование в Кэмбридже и занимался юридической практикой. Участвовал в парламентской оппозиции. Будучи ревностным пуританином, считавшим своим долгом перед Богом противостояние католической экспансии в Северной Америке,

Уинтроп организовал большую переселенческую экспедицию протестантов в Новую Англию. Здесь была основана Массачусетская колония, губернатором которой стал Уинтроп.

Пересекая Атлантику в 1630 г., Уинтроп произнёс проповедь «Образец христианского милосердия», ставшую программой построения богоизбранного общества на американской земле. Ключевое понятие проповеди было — «Град на холме» — было введено Уинтропом с опорой на Святое Писание (Ис. 2:2–3, Мф. 5:14).

По Уинтропу, новое общество должно было стать образцовым воплощением избранной воли Бога. А также оплотом спасительной веры, где найдут пристанище все «блаженные духом».

Из этой характеристики ясно, что представления Уинтропа о том, чем обязано стать в будущем американское общество, были крайне ра-

дикальны: «Образование и развитие американского общества Уинтроп видел как священное предприятие, создание нового Сиона, который будет центром Царствия Бога на земле. Теологию Уинтропа отличала манера символического истолкования любых природных и социальных событий в жизни переселенцев как божественных указаний. Идея совмещения мирского и церковного начал обусловила теократическую тенденцию в административной деятельности Уинтропа. Теологическая концепция провиденциальной миссии строителей «нового Ханаана» рассматривала религиозное разномыслие как происки дьявола, препятствующие воздвижению «Города на холме».

«Новый Ханаан» — это было первое название Новой Англии, которое адресовало к представлению об Америке как о земле обетованной.

Сам Уинтроп писал следующее: «Посему должны мы иметь в виду, что будем подобны городу на холме, — взоры всех народов бу-

дут устремлены на нас; и ежели мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, мы станем притчей во языцех по всему миру, отвергнув уста врагов, хулящих пути Господни и Его поборников...»

В этой проповеди содержится категорическое требование действия, направленного на создание нового мироустройства. Забегая вперёд, отметим, что вся политическая мысль США направлена на обоснование конкретных политических действий. Эту черту американцев подтверждает Токвиль: *«Их преимущественно пуританское происхождение, их исключительные торговые навыки, даже сама земля, которую они населяют, — всё, кажется, объединилось, чтобы отвлечь их интеллект от занятий науками, литературой и изящными искусствами <...> — всё совпало удивительным образом, дабы привязать американское сознание к заботам чисто материального плана».*

В следующий период развития американско-

го общества — период завоевания независимости — выдвигается новый тезис. Это тезис о крайней важности строительства нового мира на американском континенте для всего человечества. Молодая американская идеология начинает поворачиваться лицом к остальному миру.

Англо-американский писатель и философ Томас Пейн (заслуживший своими трудами наименование «крестного отца США») в своём знаменитом памфлете «Здравый смысл» 1776 г. заявлял, что «Дело Америки — дело всего человечества». Он подчёркивал, что американцы борются за свободу от тирании, пожалуй, единственные во всём мире: *«О вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, выйдите вперёд! Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали её. Европа считает её чужестранкой, Англия же потребовала её высылки. О, примите беглянку и загодя го-*

товьте приют для всего человечества». В этом заключалась миссия американцев: своим примером показать дорогу к счастью всему миру. И это счастье заключается в том, что свобода обитает на их территории. А потому именно из Америки исходит освобождение и для остального мира.

Что касается целей американской внешней политики, то они были оформлены одним из отцов-основателей США, Александром Гамильтоном в 1787 г., перед самым принятием американской конституции.

В 11-м номере знаменитого «Федералиста» — сборника статей в защиту американской конституции — он выступил как поборник военно-морской силы США. *«Другим средством оказания влияния на поведение европейских держав в отношении нас явится создание федерального флота»*, — пишет Гамильтон. По его мысли, флот совсем не обязательно использовать в военном противостоянии, он может быть применён как средство давления. Кстати

сказать, сегодня свыше десятка американских авианосцев выполняют как раз эту роль, вполне возможно, что они никогда не будут применены в боевых действиях в максимальной своей мощи, но роль, возложенную на них, они вполне освоили.

Далее Гамильтон пишет: *«Твёрдо придерживаясь Союза, мы можем надеяться на то, что вскоре станем арбитром Европы в Америке и сможем склонять баланс европейского соперничества в этой части мира в зависимости от наших интересов»*. В этих словах видна устремлённость в будущее, рано или поздно США будут играть более активную роль в мировых делах. Это произойдёт не скоро, но обязательно произойдёт. Ну а дальше совсем откровенно: *«Пусть американцы презирают роль орудий Европы! Пусть тринадцать штатов, связанных крепким и нерасторжимым союзом, создадут в согласии единую великую Американскую Систему, превосходящую объедине-*

ние всех трансатлантических сил или влияний и способную **продиктовать условия отношений между старым и новым миром!** (выделено мной — А.И.)». Вот, по мысли одного из авторитетнейших американских отцов-основателей, истинная миссия США. Александр Гамильтон заложил основы американского экспансионизма, его видение будущего неуклонно реализуется его политическими наследниками. А вот насколько трактовка наследников совпадает с изначальным посылом основателей и их опорой на Евангелие — это всё-таки вопрос, требующий гораздо более углублённого подхода. И судьба американского общества не может не зависеть от того, насколько вдумчиво оно сумеет в этом вопросе разобраться.

Антон Исаков

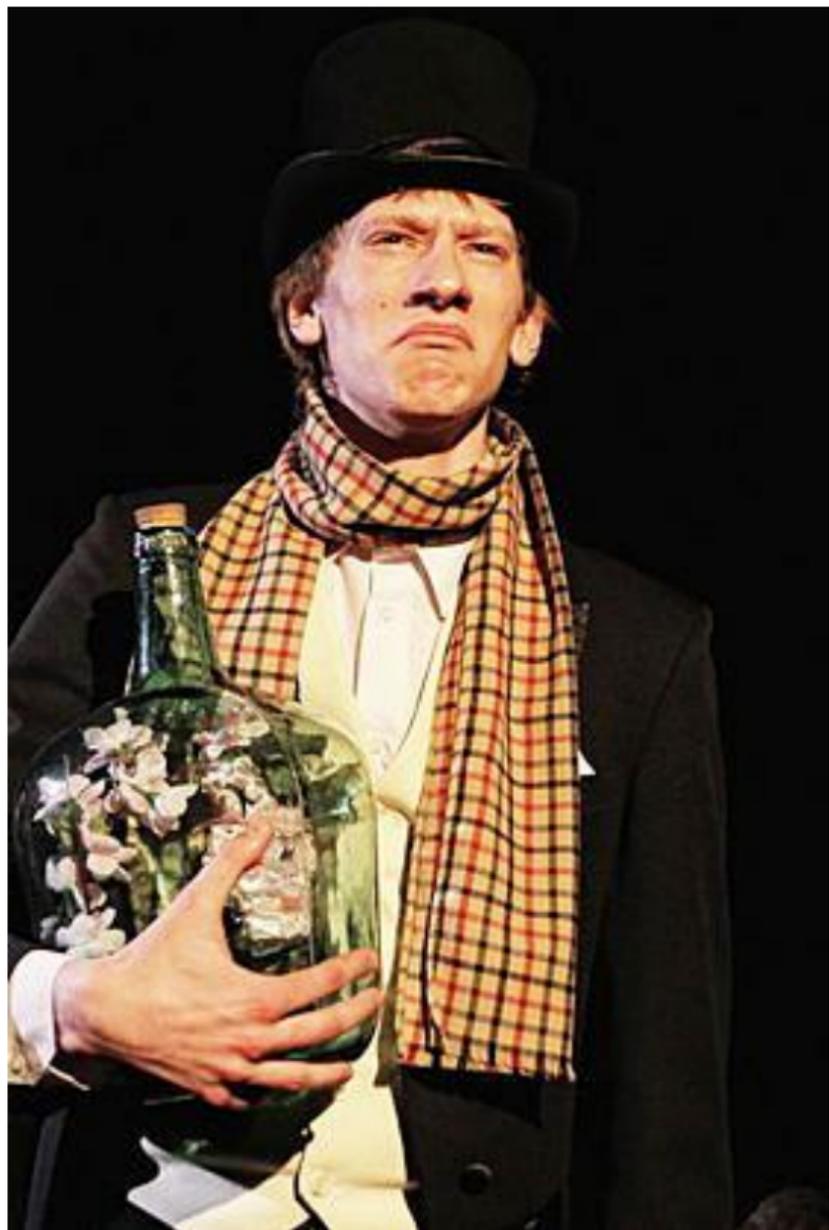
Культурная война

«Вместо сцены — дыра»?

Некоторые вызревающие в театральной молодёжной среде негативные тенденции грозят вскоре заполнить театральные подмостки, низводя высокое предназначение театра до уровня всепожирающей мерзости

Сцена из спектакля «Лейтенант с острова
Инишмор»

Сцена из балета «Лебединое озеро»
П. Чайковского

Сцена из балета «Лебединое озеро»
П. Чайковского

Можно и должно обсуждать войну с культурой, методы ведения соответствующих военных действий, концепции подобной войны. Но это обсуждение должно сочетаться с конкретикой. А конкретика соединяет в себе как нечто общее, так и бесконечную многоликость. В одном учебном заведении осуществляется один

вариант разрушения нашей театральной культуры. В другом — другой. И из этой мозаики складывается картина. Кроме того, у меня возникает впечатление, что помимо войны с культурой мы сталкиваемся ещё и с чем-то другим. С неумолимым просачиванием чужого деградантного субстрата в вещество нашей театральной культуры. Я могу себе представить, что какие-то высоколбые планировщики обсуждают в каких-то штабах, как именно этот субстрат будет просачиваться и к чему это приведёт. Но я уверена, что постановщики обсуждаемых мною спектаклей ни о каком таком просачивании не думают. Как не думает песок, в который просачивается вода. И это, по моему мнению, самое страшное. Подробно описывая конкретные фрагменты мозаики, я попытаюсь затем собрать её воедино и проанализировать процесс разрушения нашей театральной школы как целое.

Сегодня в рубрике «Культурная война» мы публикуем статью театроведа, члена Союза те-

атральных деятелей, члена Союза журналистов России Нелли Ончуровой, написанную ею под впечатлением от просмотров выпускных студенческих спектаклей театральных вузов.

Автор выявляет негативные тенденции, которые уже на этапе подготовки и обучения студентов препятствуют развитию художественной личности и прививают будущим мастерам сцены дурновкусие.

Марина Волчкова

За последние несколько лет мне довелось посмотреть ряд выпускных студенческих спектаклей театральных вузов. И не могу не поделиться своими тревожными ощущениями. Ощущаю же я то, что некоторые вызревающие в театральной молодёжной среде негативные тенденции грозят вскоре заполнить театральные подмостки, низводя высокое предназначение театра до уровня всепожирающей мерзости.

«Трагический фарс с причудами» — так был

обозначен в программке жанр спектакля «Кысь» Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (2012 год, режиссёр-постановщик — Михаил Ильин). Спектакль, который, кстати, продолжает идти до сих пор, поставлен по мотивам одноимённого романа Т. Толстой. Ещё в краткой аннотации к изданию романа Т. Толстой в 2001 году было очень точно сказано: «В фантазиях Толстой царит нахальный авторский произвол...».

Пожалуй, этот эпитет — «нахальный» — вполне можно отнести и к спектаклю питерцев. Действие происходит в городке Фёдор-Кузмичск, раскинувшемся на семи холмах, а прежде, до «Взрыва», имя городку было Москва. Для описания сценографического решения образа городка-фантома вполне подойдут слова М. Булгакова, сказанные, правда, по поводу другой постановки: *«вместо сцены — дыра»*. Таким же выморочным был и сам спектакль, со скороморшым бесстыдством представлявший ото-

ропевшим зрителям то половой акт молодожёнов, то «пушкина-кукушкина, чёрным кудлатым идолом взметнувшегося на пригорке» с бельевой верёвкой, «петелькой охватившей шею поэта», то «нутряной мык и нык» копошащихся обитателей мира, свернувшегося «одним проплеванным амбаром, одной мышиной норой...».

Большой трёхчасовой спектакль вызвал лишь тяжёлое недоумение: с какой целью был выбран подобный материал? Глумливое ёрничанье, тем более над «ИЛИМЕНТАРНЫМИ основами МАРАЛИ» (так в тексте Т. Толстой), является противозачинным для русского театра и тем более недопустимым, когда к нему приучают молодых актёров, только вступающих на свой профессиональный путь.

Эти же мысли не отпускали и во время просмотра спектакля Саратовского театрального института (режиссёр — Игорь Баголей, 2011 год) по пьесе М. Мак-Донаха «Лейтенант с Инишморра». Надо отметить, что эта пьеса пользуется по-

пулярностью у отечественных режиссёров, её постановки идут на театральных сценах ряда городов (в том числе в Московском ТЮЗе, Пермском театре «У Моста» и др.).

Переводчик пьесы П. Руднев так объясняет позицию автора: *«...Именитый ирландский драматург, прижившийся в российском театре, Мак-Донах нападает на национальную святыню — ирландскую освободительную войну, а проще говоря, знаменитый ирландский терроризм. Но это комедия».*

И сразу возникает вопрос. До сих пор мы считали, что борьба народа за своё освобождение — действительно дело святое и правое. Война может стать высоконравственной, но лишь тогда, когда она, как писал Гоголь в «Тарасе Бульбе», «дело общее», народное: *«...Это целая нация, которой терпение уже переполнилось, поднялась мстить за оскорблённые права свои».*

В данном же случае сопоставление ирландцев с террористами напоминает скулёж гит-

леровских вояк, сравнивавших наших партизан с бандитами, ведущими войну «не по правилам».

Во-вторых, жанр пьесы — комедия.

«Логичный вопрос, — рассуждает П. Руднев, — как это ставить? Кровавые события, труп кошки с пробитым черепом, перестрелки...». Труп кошки возникает в этом перечислении не случайно: именно он является завязкой кровавой фантазмагии, разыгрываемой перед зрителями. Кроме того, звучит весьма издевательски красноречиво и авторское предуведомление к пьесе: *«Посвящается моей милой кисоньке (1981–1995)».*

Как сказал на обсуждении со зрителями режиссёр И. Баголей, *«мы нанизали спектакль на шпагу гротеска, и трагическое осознание происшедшего не приходит в финале»*, на что присутствовавший при этом переводчик П. Руднев посоветовал: *«Жестокого, пародийного, фарсового начала должно быть больше,*

не хватает циничного смеха».

Боязнь серьёзного разговора о проблемах, не вывернутых наизнанку согласно назойливой моде, а касающихся сущностных вопросов бытия, и приводит к созданию подобных спектаклей. Чего только стоит сцена, где девчонка-подросток Мейрид, мечтающая принять участие в вооружённой борьбе под началом понравившегося ей молодого головореза Падрайка, просто суёт руку в его промежность и, цепко держа то, что попало, ведёт диалог, оканчивающийся затяжным поцелуем, означаящим пролог любви.

А эпилог таков. Мейрид: «Поцелуй меня, Падрайк». Падрайк сливается с ней в страстном поцелуе, руки Мейрид тянутся к пистолетам за его спиной. Она берёт их, медленно поднимает и подводит стволы к голове Падрайка... Стреляет ему в голову из двух стволов, а затем говорит брату и несостоявшемуся свёкру: «И этого тоже, козлы, распилите» (чтобы затруднить опознание).

Лишь в финальной фразе пьесы звучит какое-то подобие человеческого чувства: *«Когда же закончится этот ад? Будет ли когда-нибудь конец?»* И театр безжалостно отвечает: *«Думаю, нет»*.

Не прибавил оптимизма и спектакль ГИТИСа «Четвероногая ворона» по Д. Хармсу (режиссёр — Павел Артемьев, 2013 год). Этот спектакль до сих пор идёт в Московском ТЮЗе. В трёхтомном собрании сочинений Хармса есть некий опус с подобным названием на полстраницы, но ни малейшего отношения к показанному спектаклю он не имеет. В маловразумительной истории Хармса речь идёт о четвероногой вороне, которая однажды купила себе кофе и думает: *«Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать? А тут, как на беду, пробежала мимо лиса»*. Кончилось дело перебранкой.

Ворона лисе кричит: «Сама ты ворона!»

А лиса вороне кричит: «А ты, ворона, свинья!»

Тут ворона от обиды рассыпала кофе.

В спектакле были представлены три короткие истории, объединяющим центром которых служит обшарпанная дверь в центре сцены с табличкой «Учёт». Люди, приходящие к этой заветной двери, друг с другом никак не связаны, но театр даёт возможность чуть дольше взглядеться в них после ухода от запертой двери. И хотя спектакль был сделан не без мастерства, особенно выразительны были паузы — содержательные, эмоционально насыщенные, но сам материал вновь вызвал недоумение банальной мелкотравчатостью персонажей. Что хотели сказать своей работой молодые актёры? Этюды на точность сценического существования можно признать удачными, но ведь в театр ходят не на этюды...

Негативные тенденции, проникающие в современный театр, не обошли стороной и искусство балета. Так, на VIII фестивале студенческих спектаклей «Твой шанс» (2012 год) были представлены пластические работы — «Лебединое озеро» (Краковская театральная шко-

ла им. Л. Сольского) и «Окончательный монтаж» (Школа-студия МХАТ).

И хотя в спектакле «Лебединое озеро» (режиссёр — Илан Коэн, Израиль) в качестве канвы был выбран балет Чайковского (по крайней мере, звучала его музыка), сам спектакль оставил о себе впечатление модного зрелища ни о чём.

Когда же по окончании польского спектакля я спросила двух его участниц — Магдалену Фейдаш и Зузанну Каспшик, в чём они видят главную идею постановки, они увлечённо и уверенно объяснили следующее: *«Израильский хореограф Илан Коэн влюблён в музыку Чайковского и выбрал её для наиболее яркого выражения своего замысла войти внутрь традиционного консервативного актёрского искусства и развалить его изнутри для установления равноправия тела в театре»*. Итак, ещё одна история из серии «развала изнутри» гармоничного мира классики.

Второй опус «Окончательный монтаж» (постановка Аллы Сигаловой) был представлен бу-

дущими драматическими артистами. В своё время А. Сигалова окончила Ленинградское хореографическое училище, цитадель классического балета. Но сфера её интересов лежит в области современной пластики, отсюда и стремление Сигаловой работать, используя метод «театра движений».

Актёры в пластическом спектакле Сигаловой блещут физической подготовкой, выучкой и точностью исполнения весьма сложных движений и балетных поддержек. Но, к сожалению, в этом пластическом действе под грохочущую музыку ансамбля «Пинк Флойд» буквально в каждом движении ощущается то явная, то затаённая агрессия, жестокость, разверзающаяся на глазах бездна. А редкие проблески человечности среди некоей биологической массы пресекаются немедленно и беспощадно. Остаётся жизнь, лишённая красоты, надежды, смысла.

Этот вывод подчёркивает финальная мизансцена, где все 20 участников действия обмакива-

ют лица в серую жижу, становясь безликой шеренгой, стоящей под яростный рёв рок-музыки. «Улица корчится безъязыкая», — вспоминаются строки молодого Маяковского, с мучительным неистовством обретавшего свой язык и с ним — собственное миропонимание.

Современный пластический театр, за редким исключением, боится внятного содержания, сюжетности, отсюда его неряшливая разбросанность ассоциаций, подростковая конвульсивность, косноязычие. Клиповое сознание не даёт возможности исследовать «жизнь человеческого духа», по гениальной формулировке Станиславского, и тогда возникает усиленное внимание к телу — форме в ущерб содержанию.

В том же 2012 году автору удалось посмотреть работу, представленную американцами, — «Мнимый больной» Мольера. На афише она значилась как «совместная аспирантская программа Школы-студии МХАТ и Института театрального образования при Гарвардском университете

(режиссёр — Хосе Заяс, США). Что же представлял собой этот спектакль, явившийся плодом совместной работы двух столь разных и плохо сочетаемых театральных школ? Только то, что более стандартизированная и агрессивная американская школа подмяла под себя классическую русскую театральную школу, традиции которой так долго хранила Школа-студия МХАТ.

Комедия XVII столетия предстала в бравой экипировке века XX и в такой же, по-американски молодцеватой, интерпретации. Между тем, театральная практика давно уже доказала губительность подобного переноса действия для художественной силы классического произведения. Потерян был не только внешний облик комедии, но и сами исполнители ролей были тяжело-весными и удивительно немольеровскими. Исчез социальный смысл сатирического обличения пьесы, его актуальность: человек перед натиском наглой медицинской рекламы. Как писал в своё время известный театровед Г. Бояджиев, «и пла-

мень мольеровского гения стал катастрофически затухать».

И здесь нельзя не отметить, как в противовес этому ярко, радостно, победно прозвучал другой мольеровский спектакль, представленный выпускниками Щепкинского училища, «Лекарь поневоле» (режиссёр — А. Дубровский, 2013 год). Это был обаятельный художественный фарс, вызвавший такой же дружный смех зрительного зала, какой звучал и 300 лет назад в парижском Пале-Рояле. По-французски остроумный и по-русски озорной, с новым ощущением идей, характеров и стиля — таким предстал спектакль щепкинцев, в котором взрывы доброго смеха соседствовали с мгновениями пронзительной тишины, всегда свидетельствующей о напряжённом внимании зала. И верилось, по слову Мольера, что театр *«обладает огромными возможностями для исправления нравов»*. Как справедливо отметил режиссёр спектакля А. Дубровский, *«дипломный спектакль — результат процесса*

обучения, и потому режиссёр не имеет права реализовывать себя, всё внимание должно уделяться раскрытию индивидуальности ребят».

Но, к сожалению, подобные спектакли являются собой лишь редкое исключение на фоне общей уныло-агрессивной картины «новаторских» театральных постановок.

Есть и ещё одна беда современного театра, которая так же отчётливо проявляется в дипломных спектаклях выпускников театральных школ. Даже обратившись к классике, нынешние режиссёры считают долгом оставить здесь след типа вырезанных на садовой скамейке слов: «Здесь был Вася». Попытка постичь мысль автора, проникнуть в загадку внутреннего мира его героев кажется им такой трудоёмкой (а то и недостижимой), что гораздо проще предложить своё «видение», часто весьма поверхностное, а то и просто малограмотное.

Эти слова вполне можно отнести к выпускному спектаклю Ярославского театрального ин-

ститута «Гроза» (режиссёр — Татьяна Куценко, 2012 год). Казалось бы, есть все слагаемые успеха: пьеса великого русского драматурга, сам город, в котором начал свои первые шаги в деле, до того невиданном, Фёдор Волков (может, потому и пользуется до сих пор заслуженной славой ярославская театральная школа), и, наконец, река Волга — один из символов России, на берегу которой, по указанию Островского, происходит действие пьесы...

Но нет, не случилось. Опять можно наблюдать недоверие к слову драматурга, отсюда — стремление мизансценически «раскрасить» каждую картину, явление, даже реплику с яростным напором, выдаваемым за сценический темперамент. Так, проходная реплика Кулигина в первой сцене — «Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?» — разворачивается на глазах удивлённых зрителей в целую картину остервенелого «поучения» купцом своего племянника. А Борис, не смеющий на лю-

дях смотреть на Катерину («Погляди из-за угла, да и ступай домой»), при первой же встрече с ней на сцене (да ещё наедине!) с повадкой героя-любовника заигрывает с Катериной, хватая её за обнажённые руки. В картине проводов мужа Катерина «не опускает очи долу», а нагло смотрит свекрови в глаза, а затем швыряет ей под ноги горшок с цветком.

Мало того, режиссёр позволяет себе подвергнуть Островского цензуре. Так, в финальной сцене исполнительница главной роли подходит к бочонку с водой, ополаскивает лицо, снимает верхнюю одежду, а также крестик и тихо уходит (надо думать, к реке?). А последняя сцена с обвинением Кабанихи, так восхитившая в своё время Добролюбова, вообще отсутствует. Просто обывателей города Калинова, собравшихся на берегу, по оригинальному решению режиссёра, накрывают тёмной кисеей...

Однако гораздо более эпатазирующим театральным зритель оказался выпускной спектакль

«Вишнёвый сад» в постановке Новосибирского театрального института (режиссёр — С. Афанасьев, 2012 год). Начало было ошеломляющим. Из-за кулис вышел пианист (Д. Карпов) и, быстро поклонившись, сел за рояль. Пьяццолла — нервно пульсирующий ритм танго конца XX века внезапно перекинул эмоциональный мост в другую эпоху — начала века, кануна лихорадочного чаяния перемен.

Неожиданно на сцену ворвался некто (Лопахин, как стало понятно впоследствии), вскочил на невысокий чёрный стол и с криком «Поезд пришёл!» распахнул над головой чемодан, из которого вылетел ворох мелких бумаг. Тут сбегались люди, начавшие ловить эти бумажки, приговаривая: «Поезд пришёл». Эта заставка дала возможность ошеломлённым зрителям несколько освоиться со стилистикой спектакля и составить первое впечатление о его героях.

Очевидно, краеугольной для режиссёра С. Афанасьева явилась фраза купца: «Приходи-

те все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишнёвому саду...». Эта реплика из знаменитого монолога трансформировалась в режиссёрском прочтении в следующую мизансцену: Раневская лежит навзничь на столе, как на эшафоте, а Лопухин замахивается на неё топором.

Ещё большее недоумение вызывает трактовка других эпизодов. В пьесе А. Чехова в конце первого действия Петя Трофимов, подходя к уснувшей Ане, должен говорить в умилении: «Солнышко моё! Весна моя!». В спектакле же студент после сих слов ложится на кровать рядом с Аней, а та кладёт на него ногу. Таких малопрстойных сцен в спектакле достаточно много, но особенно поразил всех половой акт стоя между Варей и Лопухиным в последнем действии. Бедный Антон Павлович!

Когда на бурном обсуждении спектакля один из зрителей, преподаватель литературы, спросил, что означает эта сцена, режиссёр ответил:

«Половой акт наиболее точно отражает отношения между Варей и Лопахиним».

Выступавшие после спектакля зрители отмечали вульгарность, пошлость отдельных сцен, недопустимых для поэтики чеховской драматургии. Вот лишь один пример полемического обмена мнениями:

Зритель: В спектакле должен быть соблюден дух Чехова.

Режиссёр: Чехов — жёсткий драматург. Не забывают, была свёрнута шея шестой части мира.

Зритель: Не надо передёргивать.

Режиссёр: А как же миллионы погибших?

Вспыхнувший спор попыталась заглушить критик Т. Шах-Азизова, примирительно заметившая: «Весь мировой театр использует подобную практику — домысливание классики».

А вот это утверждение — от лукавого. Огромный опыт русского и советского театра даёт однозначный ответ на подобные фарисейские фразы. К. С. Станиславский: *«Необходимо пойти за ав-*

тором по проложенному им пути для того, чтобы не только понять, но и пережить задачи и намерения поэта».

Об этом же писал В. Богданов в статье «Предчувствие будущего»: *«...Только текст пьесы признавал Чехов единственно верным ориентиром для её режиссёрского прочтения и театрального представления».*

В качестве заключения хочется ещё раз подчеркнуть, что дипломный спектакль должен являть собой результат процесса обучения, и потому режиссёр не имеет права реализовывать только себя и только своё видение реальности (зачастую совсем неприглядное). Его внимание должно уделяться воспитанию молодых актёров, раскрытию их индивидуальности. Однако ставшая почти неизменным атрибутом современных постановок откровенная «скользкость» и даже разнузданная пошлость некоторых сцен, безусловно, мешает развитию сценического вкуса молодых исполнителей.

Претенциозное окарикатуривание действительности, её шаржирование ведёт к снижению художественного качества спектакля, прививает дурновкусие и зрителю, и молодым актёрам.

Удастся ли современному театру сохранить главное — русскую школу воспитания актёров с её сверхзадачей раскрытия «жизни человеческого духа» (как говорил К. Станиславский), а не тела, как это напористо диктует западная мода?

Автор продолжит анализ современных театральных постановок и выпускных студенческих спектаклей в следующих статьях.

Нелли Ончурова